

63 3/01

£ 90

ОЛИВИЯ КУЛИДЖ

Служанка Артемиды

ПОПУЛЯРНАЯ
ИСТОРИЯ

ЦЕНТР ПОЛИГРАФ

ПОПУЛЯРНАЯ
ИСТОРИЯ

OLIVIA COOLIDGE

ПОПУЛЯРНАЯ
ИСТОРИЯ

The Maid of Artemis

00.11070

ОЛИВИЯ КУЛИДЖ К90

ПОПУЛЯРНАЯ
ИСТОРИЯ

Служанка Артемиды

10 44 78/1 *ny*

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ
2002

63.3(0)32+84(7Coe)
УДК 820
ББК 84(7Coe)
К90

10

Охраняется Законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

Серия «ПОПУЛЯРНАЯ ИСТОРИЯ»
выпускается с 2002 года

Разработка серийного оформления
художника *И.А. Озерова*

Кулидж Оливия
К90 Служанка Артемиды / Пер. с англ. О.В. Замятиной. —
М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2002. — 142 с. — (По-
пулярная история).

ISBN 5-227-01878-2

Юной гречанке предстоит целый год готовиться к празднику в честь богини Артемиды, на котором девочки танцуют танец медведей. Для этого двенадцатилетней Алеции, любимице родителей, придется стать маленькой жрицей и целый год прожить вдали от родного дома, в храме Артемиды...

УДК 820
ББК 84(7Coe)

© Перевод, ЗАО «Издательство «Центрполиграф», 2002

© Художественное оформление серии, ЗАО
«Издательство «Центрполиграф», 2002

ISBN 5-227-01878-2

Служанка Артемиды

ВВЕДЕНИЕ

Недалеко от Афин, в Бравроне, археологи обнаружили храм Артемиды¹, и, когда я несколько лет назад попала туда, раскопки все еще продолжались. Еще недавно скрытые под землей колонны были вновь установлены на свои места. В Афинский музей были отправлены найденные статуи: девочка с кроликом и другие скульптуры маленьких девочек, которые много тысячелетий тому назад их отцы установили в память о том времени, когда их дочери служили в храме. Но мне показали рамы для детских кроваток и стеллажи, на которых были аккуратно разложены фрагменты и осколки, для которых археологи надеялись подо-

¹ А р т е м и д а — богиня-охотница, дочь Зевса-громовержца и Лето, сестра Аполлона. Вооруженная луком Артемиды проводит время в горах, поросших лесом. Она окружена нимфами-охотницами и сворой охотничьих собак. Она строго следит за соблюдением древних законов, по которым живут люди, животные и растения, и строго карает нарушителей. Но она не только охотница. Она также помогает роженицам, к ней в древности обращались гречанки с просьбой даровать им здорового ребенка. Только появившись на свет, Артемиды помогала своей матери Лето произвести на свет Аполлона, ее младшего брата. Артемиды также защитница маленьких девочек.

брать недостающие части. Среди них я заметила маленькую мраморную ручку, нежно удерживавшую птичку. По тому мастерству, с которым она была выполнена, легко было себе представить, насколько прекрасна была сама статуэтка. Эта ручка поразила меня: художнику удалось выразить нежность малышки, несмотря на то, что птичка предназначалась в жертву богине Артемиде. Я задумалась о том, как вырастали девочки в те времена, и о том, какие суровые требования предъявляли к женщинам и как мало делалось тогда, чтобы помочь им вынашивать и воспитывать детей. Но, несмотря на это, у нас нет оснований полагать, что женщины в Древней Греции были несчастны или что процесс их взросления не был таким же естественным, как и в наши дни.

Вот так я и строила свой рассказ. Когда археолог находит мраморную ручку, которая держит птичку, он откладывает ее в сторону до тех пор, пока не найдет всю статую. Если статуя не найдена, фрагмент так и остается фрагментом. Что же касается писателя, то ему приходится соединять разрозненные сведения о древних временах и скреплять их собственной фантазией. Скажем, в те времена исполняли танец медведей, однако мы с трудом можем представить себе, как это было. До нас дошла легенда об Ифигении, но ритуалы поклонения Артемиде давно забыты, и мы можем только догадываться по нескольким намекам о том, что это такое. Мы не можем восстановить картину того, как это происходило на самом деле, однако известно, что эти обряды не были изначально

греческими. Мы также знаем, как ведут себя маленькие девочки, как они взрослеют, и поэтому можем представить себе, хотя и не совсем точно, что означало взросление в древнем мире, так не похожем на наш. Если Ала выросла подготовленной к той жизни, которую ей предстояло вести, и была счастлива, значит, родители воспитали ее правильно, по крайней мере по нашим понятиям.

ОСОБЕННЫЙ ДЕНЬ

Самым оживленным местом в доме Конона был внутренний дворик на женской половине. Тут царил Атенаис, любящая хозяйка дома, согревавшая его своей добротой. Еще не рассвело, и слуги зажгли масляные лампы. Серо-зеленые глаза Атенаис поблескивали в их мерцающем свете. Она с нетерпением ждала наступающего дня. Атенаис повернулась к Юнис, служанке, невысокой, седовласой, сухощавой женщине, и та улыбнулась в ответ.

— Сандас помогает мальчику, хозяйка, — сказала Юнис, — они вот-вот придут.

— Девочки, а вы готовы? Филис, ты уверена, что венки ему подойдут? — спросила Атенаис.

Филис только глупо хихикнула. В руках у нее был венок из листьев плюща.

— Да уж, конечно, — ответила ей молоденькая служанка Калина, — у Филис искусные пальцы. Она вполне может свить венок.

Калина всегда была такой, резкой и язвительной. За ней нужен был глаз да глаз.

— Ох, Калина, не надо портить нам день с утра пораньше, — мягко пожурила ее хозяйка.

Калина потупилась, а Юнис поджала губы. Она, казалось, разозлилась всерьез. Больше никто не произнес ни слова, но вскоре тягостную тишину нарушил приход Сандаса. Сандас был слугой и наставником мальчика, сына хозяев дома. Ему было около шестидесяти лет, его волосы и борода давно уже поседели, но он по-прежнему был сухощав и строен. На нем была новая шерстяная туника, свободно спадавшая с согнутых годами плеч и доходившая почти до щиколоток. Она была отбелена до светло-кремового оттенка и перетянута снежно-белым полотняным поясом.

— Ты чудесно выглядишь, Сандас, — приветливо сказала Атенаис.

— Посмотрите-ка лучше на молодого хозяина, — ответил он с поклоном и вывел Клейтоса в освещенный лампой круг света, чтобы продемонстрировать его новый наряд.

Мальчик смущенно улыбался, чувствуя себя страшно неловко из-за всей этой суеты, которую подняли женщины. Клейтосу уже исполнилось пятнадцать. Стройный и загорелый, он был сложен как настоящий бегун. Темные вьющиеся волосы упругими завитками обрамляли его лоб и щеки. На нем была белая шерстяная туника ниже колен, украшенная голубым с золотом орнаментом с вкраплениями пурпура. Ее отделка стоила Юнис больших трудов. Но главным украшением костюма Клейтоса был его плащ.

Старый коричневый плащ, в котором Клейтос ходил в школу или на прогулку, был длинным и не-

уклужим. Мальчику приходилось так плотно его запахивать, что он с трудом мог пошевелить руками. Но тут уж ничего нельзя было поделать. В те далекие времена мальчики должны были на людях держаться очень скромно. А сегодня день был особенный, и для праздничной процессии Атенаис выткала сыну короткий голубой плащ, свободно спадающий с плеч. Атенаис была искусной ткачихой, еще до замужества она целый год провела в храме богини Афины, где вместе с другими девочками ткала для богини новое одеяние.

Филис только восхищенно охнула, увидев орнамент, вытканый по краю плаща, а Калина разразилась речью.

— Даже Арахна¹, которая бросила вызов богине, не могла бы выткать лучше, — восторженно воскликнула служанка.

— Хорошо сказано, Калина, — произнес мужской голос за ее спиной, и девушка, нервно отскочив в сторону, испуганно замолчала.

¹ А р а х н а — искусная ткачиха, дочь красильщика тканей из Колофона. Арахна ткала такие прекрасные холсты, что даже окрестные нимфы приходили в восторг. Девушка не знала себе равных и возгордилась настолько, что вызвала на соревнование богиню Афину, которая покровительствовала ткачихам и сама была искуснейшей ткачихой. Афина разгневалась, но сначала решила предостеречь гордачку. Она явилась к ней в образе бедной старухи и напомнила о том, что смертным следует проявлять смирение, иначе на них обрушится гнев богов. Но девушка осталась глуха к увещаниям и прогнала старуху. Состязание состоялось. Афина выткала на пурпуре торжественное изображение 12 олимпийских богов, а по четырем углам изобразила картины мучений, которым подвергались смертные, нарушившие волю богов. Арахна же выткала изображения любовных похождения Зевса, Посейдона и Диониса, и тем еще больше разгневала Афину. Афина в гневе порвала ткань и ударила ткачиху челноком. В отчаянии Арахна попыталась повеситься, но Афина вынула ее из петли и превратила в паука. Как видишь, дорогой читатель, греческие боги были очень суровы, и состязаться с ними было опасно. (*Примеч. пер.*)

Это сам хозяин дома вошел на женскую половину, а его похвала была большой редкостью. Он всегда говорил, что Калина слишком много болтает, но этим утром девушке повезло. Конон гордился своим красавцем сыном, но не хотел, чтобы домочадцы заметили это. Он не собирался выражать восторг по поводу гордой посадки его головы, классических черт его лица, смуглых румяных щек или накачанных мускулов, нет, ни в коем случае.

— Посмотри только, какой сочный цвет, — сказал он, приподняв полу плаща сына, — наша мама становится все искусней, твой плащ не идет ни в какое сравнение с моим.

Это была очень высокая оценка, ведь Конон по случаю торжественной процессии надел великолепный пурпурный плащ, отделанный по краю золотом. Его голову украшал венок из листьев дикой оливы, право на который он получил, став победителем Олимпийских игр. Конон не собирался участвовать в состязаниях, поскольку сегодня соревновались только мальчики, но, как чемпион и гордость Афин, должен был присутствовать на празднестве.

Атенаис (счастливо улыбнулась мужу:

— Ты видел только мой подарок, а сегодня каждый ему что-нибудь приготовил. Обрати внимание на пояс, видишь, как он замечательно сделан. Это все Юнис. А ведь у нее от такой тонкой работы глаза болят. Филис сплела венок, и Калина сделала нашему мальчику очень ценный подарок.

На день состязаний Калина дала Клейтосу свое самое дорогое сокровище, талисман, матовый крас-

ный камешек с дырочкой, приносящий удачу. Она надела его на ленту, чтобы мальчик мог взять его с собой. Это был самоотверженный поступок, ведь талисман мог потерять свою силу после того, как его носил кто-то другой.

— Сандас всю прошлую ночь трудился над своим подарком, — продолжала Атенаис, — но даже я пока не знаю, что это такое.

Сандас с довольным видом достал из складок своей туники свиток папируса, перевязанный яркой лентой, которую получил от хозяйки, и осторожно развернул его.

— Это всего лишь поэма Пиндара¹, — сказал он, — я тщательно ее переписал. Та самая поэма, которую Пиндар посвятил юноше, победившему в соревнованиях по спортивной ходьбе на играх Аполлона в Дельфах. По-моему, он никогда не был в Афинах на играх Тезея и не видел, как наши мальчики соревнуются в беге. Но я подумал, что сегодня его стихи не будут лишними.

Клейтос взял поэму из рук Сандаса, не отрывая взгляда от свитка, тяжело вздохнул и провел языком по пересохшим губам.

— Спасибо тебе, Сандас, спасибо, — тихо сказал мальчик, — а что, если...

— Я тоже хочу тебе кое-что подарить, — весело прервал его Конон, — сегодня в моей семье появился второй атлет, и я хочу пожелать ему счастья.

¹ П и н д а р — греческий поэт, жил в 522—448 гг. до н. э., был родом из Фив. Пиндар писал оды и гимны богам, эпиникии, то есть хоровые оды с музыкой и плясками в честь победителей олимпийских, пифийских, немейских и истмийских игр. На русский язык его переводил Державин, один из основоположников русской поэзии. (Примеч. пер.)

Отец подарил Клейтосу маленький флакончик с ароматическим маслом и маленький скребок, который атлеты использовали для того, чтобы снимать со своего тела пыль и пот. Скребок был сделан из слоновой кости и покрыт тонкой резьбой, а флакон изготовили и искусно расписали лучшие мастера из Коринфа¹. На белом фоне тонкими коричневыми линиями была изображена фигурка атлета, повязывающего вокруг головы ленту победителя игр.

Мальчик внимательно рассмотрел замечательные вещицы и снова облизал дрожащие губы.

— Да, а что, если... — он запинаясь, казалось, комок застрял у него в горле, — а что, если... ведь я могу не выиграть...

Атенаис замерла. Значит, сын знал, что он не самый быстрый бегун в этом году! Может быть, он уже проиграл тренировочный забег. А как его отец, славный чемпион, перенесет поражение сына? Она с тревогой посмотрела на мужа, который в своем праздничном одеянии был похож на бога солнца. Но Конон продолжал спокойно улыбаться:

— Разве ты забыл, что я проиграл свой первый забег на Олимпийских играх? И знаешь, что тогда мне сказал мой отец, твой дед? Я прибежал к нему, обозленный на себя самого и на богов, которые допустили мое поражение, и вот что я услышал: «Сын мой, жизнь предоставляет много случаев до-

¹ К о р и н ф — в древности центр искусств и художественных промыслов в Греции, знаменит храмами Аполлона, Афродиты и Артемиды и крепостью.

биться славы. Сейчас ты проиграл, что ж, в следующий раз выиграешь. Давай-ка решим, что на самом деле важно. Весь год ты упорно тренировался, под дождем, в грязи и пыли, до пота, а твои товарищи в это время бездельничали. И что же? Ты стал настоящим мужчиной, а славу Афинам ты еще завоюешь, так или иначе». Вот что сказал мне мой отец. И сегодня мои друзья будут радоваться вместе со мной тому, что мой сын хорошо потрудился и из ребенка превратился в стойкого юношу. И чтобы отпраздновать это событие, нам совсем не обязательно, чтобы ты повязал на голову ленту победителя.

— Отец, — начал было мальчик, но Конон прервал Клейтоса, опасаясь, что слезы брызнут у него из глаз.

— Пора идти, а то процессия начнется без нас. Отдай флакон Сандасу, и пусть он возьмет его с собой. Но запомни, этот флакон только для таких важных событий, как сегодняшнее. Не советую тебе брать его с собой на тренировки, а то я очень рассержусь.

Клейтос собрался с духом и улыбнулся Атенаис:

— Мама, пожелай мне удачи, и если богам будет угодно, я вернусь с лентой победителя.

Тут вдруг раздался тихий протестующий голосок:

— А туника! Почему никто не похвалил его тунику?

— Ала, ну как же так, — откликнулась Атенаис, укоризненно улыбаясь, — в присутствии мужчин маленькие девочки никогда не вступают в разговор, пока их не спросят.

Алеция вспыхнула. Она была на четыре года моложе брата и совсем не такая застенчивая, как он. Ее каштановые волосы были уложены вокруг головы, но непокорные завитки выбивались из прически и спадали на лоб, хотя еще было раннее утро и прическу ей только-только сделали. Длинное платье было повязано поясом так неровно, что с одной стороны волочилось по полу, а с другой поднималось выше щиколотки. Но личико девочки было милым. Она повернулась к отцу, застенчиво улыбаясь и, кажется, не испытывая перед ним никакого страха.

Конон улыбнулся в ответ. Если сыном он гордился, то дочку просто обожал. Ободренная девочка подняла свою куклу, которую качала на руке, и показала отцу:

— Я ни слова не сказала. Это все она, это Горго говорила.

Конон громко рассмеялся и убрал волосы, падавшие на лоб дочери. Филис, в чьи обязанности входило помогать Алеции одеваться и причесываться, нервно сосала палец. Но Конон и не думал сердиться.

— Ну что ж, тогда тебе придется научить твою Горго хорошим манерам. Если, конечно, она собирается выходить замуж. Хотя, может быть, она сказала что-то важное?

— Ну конечно. Очень важное. Про туннику Клейтоса. Я ее сделала. Я сама! Я ткала ее целый год.

— Так и есть, Конон, — подтвердила Атенаис, — это первый кусок полотна, который выткала Алеция. Сейчас он уже отбелен, а до этого на нем были

пятнышки крови. Ала все пальцы себе исколола. А рука у нее иногда так болела, что девочка плакала, правда, Ала?

Конон серьезно посмотрел на дочь:

— Ну что ж, значит, и Ала стала взрослой в этом году. Она уже почти девушка, а я-то все считал ее ребенком. Сегодня день Клейтоса, и мы должны спе-

шить, а то опоздаем. Но у девочек тоже бывают свои праздники, когда они подрастают. Я возьму Алу на представление, она увидит танец медведей, который исполняют маленькие жрицы во славу богини Артемиды.

Алеция восхищенно ойкнула, крепко прижимая к себе куклу. Ведь до сих пор она покидала свой уютный безопасный дом только для того, чтобы дойти со служанками до колодца и обратно. Согласно обычаю, маленьких девочек не должны были видеть незнакомые люди. Алеция вопросительно взглянула на мать. Она впервые слышала про танец медведей.

— Но ведь Ала еще совсем маленькая, — грустно сказала Атенаис, обернувшись к мужу.

— Пришло ее время, — ответил Конон, его голос не был суровым, но по тону всем сразу становилось ясно, кто был главным в доме.

ЛЕГЕНДА

Але очень хотелось расспросить мать о том, что же это за танец медведей, о котором говорил отец, но вокруг царила ужасная суета. Надо было пожелать удачи Клейтосу, поправить его венок из плюща. Это было гораздо важнее, и девочка не решилась снова вступить в разговор. После того как мужчины ушли, нужно было срочно переделать все домашние дела, пока не наступила жара. Юнис должна была испечь свои знаменитые сладкие медовые коврижки, в которых было столько орехов и изюма, что от одного их вида слюнки текли. Атенаис готовила острый соус для рыбы. Рыбу хранили в кладовой в глиняном сосуде, который охлаждала струйка воды из кожаного бурдюка, подвешенного сверху.

Филис наполняла водой кувшины, постоянно бегая к колодцу и обратно. Но сегодня она не осмеливалась задержаться ни на минутку, чтобы поболтать с женщинами. Двери всех комнат были открыты во внутренний дворик, и повсюду поднимались клубы пыли, под ногами скрипел песок. Женщины все

утро мыли, скребли и полировали. Выложенный плитками пол парадной комнаты, на котором были изображены выпрыгивающие из воды дельфины, натерли до блеска пчелиным воском. Все столы были отмыты, и на них расставили самую красивую посуду. Тщательно вымыли и огромные чаши, в которых вино смешивали с водой. Филис постоянно просили принести воду то в одну, то в другую комнату, и она сердито ворчала, когда оказывалось, что очередной кувшин уже пуст или когда кто-то проливал напрасно хоть каплю воды.

Под колоннадой внутреннего дворика на мужской половине были сложены охапки миртовых веток для гирлянд, которыми собирались украсить дом к празднику. Цветы для гирлянд оставляли в воде до самого вечера, иначе они бы завяли от полуденного зноя.

Атенаис распечатала амфору с самым лучшим вином и приготовила ее, чтобы подать к столу.

Какой чудесный праздник вот-вот начнется! Даже на женской половине подадут к столу финики из Азии, изумительные, свежие фиги, оливки и тяжелые гроздья винограда, медовые коврижки, и сыр из козьего молока, и густой мясной суп с луком и специями. Для своей половины дома женщины сами сделали гирлянды. Атенаис достала из своих запасов ароматическое масло, и служанки могли смазать им волосы.

— Юнис, ты просто как мать для нас всех, — сказала она, — и ты, Филис, и ты, Калина, вы разделяете с нами все хлопоты, значит, должны разделить и нашу радость.

Солнце ярко сияло на безоблачном небе, и к десяти утра уже стало припекать. В полдень ко всеобщей радости вся работа по дому была закончена, и женщины могли расположиться с прялками в тенистом уголке внутреннего дворика. Даже у Алы была своя собственная прялка с мотком шерсти, и она так же легко, как и остальные, вертела веретено и скручивала нитку. Только Горго бездельничала, сидя прислонившись к скамеечке своей хозяйки, вытянув деревянные ноги и неподвижно глядя перед собой раскрашенными глазами.

Атенаис любила петь, и когда она со своими служанками усаживалась прясть, все частенько пели. Она научила их старинной песне, где веретено сравнивается с голубкой, взлетающей с девичьей ладошки, старинным балладам и множеству любовных песен. Калина была обучена музыке и иногда играла на флейте. Правда, Юнис ворчала. Она говорила хозяйке, что было бы гораздо полезнее выучить заклинание против бородавок, которое всегда может пригодиться, вместо того чтобы слушать все эти глупые зазывания поэтов. Но Атенаис только посмеивалась в ответ.

Атенаис была совсем не похожа на обычную домашнюю хозяйку, которые в те времена только и знали что заклинания да магические заговоры, услышанные от своих рабов. Еще до замужества, она целый год провела, работая вместе с другими девушками над одеянием для статуи богини Афины. Все они находились в подчинении старой жрицы, которая уже долгие годы служила Афине и не уставала напоминать девушкам, что Афина была не

только богиней ткачества, но и богиней мудрости. Дочери Афины, как она частенько называла своих воспитанниц, должны были учить стихи известных поэтов, излагающие события древности, разбирать их и выделять главную мысль, скрытую в тексте, как это делают мужчины. Под руководством своей наставницы девушки обсуждали высказывания ученых мужей о том, как устроен мир, из чего он состоит, из атомов или из огня и воды, и что такое дух в самых разных его проявлениях. Они жарко спорили о том, что такое добро и зло и как отличить одно от другого.

О воспитанницах старой жрицы шла добрая слава. Говорили, что из девочек получатся хорошие жены, которые не будут просто красивыми, но глупыми куклами, без единой мысли, а станут для своих мужей приятными собеседницами. Отец Конона очень гордился тем, что сосватал своему сыну одну из этих девушек. Что до Конона, то он просто влюбился в Атенаис с первого взгляда, хотя впервые увидел свою будущую жену только на собственной свадьбе. Для своей образованной жены он сделал дорогой подарок — купил для нее Калину, образованную рабыню, за которую заплатил огромную сумму. Калина была не обычной рабыней. Она разбиралась в поэзии, играла на музыкальных инструментах и даже умела писать и читать, что было в те времена большой редкостью среди женщин. Девушку привезли из Эфеса, города на побережье Малой Азии, а там женщины получали такое же хорошее образование, как и мужчины, и даже могли открыто присутствовать на

празднествах, участвовать в представлениях или развлекать гостей.

Но сегодня, когда женщины, наконец, уселись за прялки, Атенаис решила, что для пения все слишком устали, и попросила Калину рассказать историю Агамемнона¹.

— Расскажи нам, как этот великий царь собрал героев со всей Греции в Авлиде², — сказала Атенаис, — Расскажи, как они сели на корабль и отправились в Трою³, чтобы вернуть брату Агамемнона его жену, Елену, убежавшую с Парисом. Расскажи, как Агамемнон предал свою собственную дочь Ифигению и принес ее в жертву Артемиде, чтобы та наполнила ветром паруса его корабля.

Калина была искусной рассказчицей. Перед глазами ее слушательниц предстали черные палатки, раскинувшиеся на берегу, истоптанная конскими копытами изумрудная зелень весенней травы, ярко раскрашенные корабли, стоящие борт о борт у са-

¹ А г а м е м н о н — царь Микен и герой в Древней Греции, старший брат царя Менелая, мужа прекрасной Елены. Агамемнон был доблестным воином, но человеком высокомерным и неуступчивым. За что же Артемиде разгневалась на Агамемнона? Готовился поход на Трою. Войска, которыми командовал Агамемнон, собирались в Авлиде, в морской гавани, откуда на кораблях они должны были отправиться за прекрасной Еленой. И пока шли приготовления к походу, царь отправился поохотиться на лесистых холмах и там убил прекрасную белую лань, любимицу Артемиды. Царь стал похваляться своей добычей, он говорил, что такого меткого удара не смогла бы нанести сама богиня-охотница. Тогда разгневанная Артемиде и наслала на греков северные ветры, которые крушили корабли прямо в гавани. Эти события были описаны древним неизвестным автором в поэме «Киприи». (*Примеч. пер.*)

² А в л и д а — гавань неподалеку от Бравроны, отсюда греки на своих кораблях отправились в Трою.

³ Т р о я — некогда столица государства в Малой Азии. Греки отправились в поход на Трою, чтобы вернуть царю Менелая его жену, прекрасную Елену, похищенную Парисом, и держали город в осаде десять лет. Осада Трои описана в «Илиаде» Гомера.

мого берега, безжизненно повисшие на мачтах паруса. Они ясно видели царя, с мрачным видом стоявшего на берегу и не сводящего взгляда с пенящейся волнами морской дали. Один день сменялся другим, солнце и тепло сменялись холодом и косящим дождем, пришедшим с северо-востока. Но направление ветра не менялось. Ветер дул из Трои, и ни один корабль не мог отойти от греческого берега, пока он не переменится.

Но вот появляется предсказатель. Это высокий старик, немного похожий на Сандаса, вокруг его головы повязана шерстяная лента — знак высокого положения, его длинная седая борода развеивается по ветру. Он пришел сюда прямо после обряда жертвоприношения, ведь жертвы: овцы, быки и коровы — приносятся богам ежедневно. Постоянно возносятся молитвы. И все это ради того, чтобы боги смиростивились и изменили направление ветра. Предсказатель так спешил, что даже не успел отмыть руки, запачканные кровью жертвенных животных. Он перебирал их внутренности и по ним читал волю богов, которую они сообщали тем посвященным, которые могли их понять.

И вот предсказатель, прямо глядя в глаза царю, произносит страшные слова.

— Боги разгневаны, — говорит он, — и никто, кроме царя, не может купить их милость и умолить их повернуть ветер.

Царь громко расхохотался в ответ:

— Вот и прекрасно! Нет на свете ничего такого, чего бы я не отдал. Я — самый богатый из царей. В моей крепости, за крепкими воротами, которые

сторожат дикие львы, таятся несметные богатства. Здесь у нас в лагере запасы продовольствия истощились наполовину, воины начинают роптать, они говорят, что боги против нас. Они вот-вот начнут расходиться по домам, и тогда я стану посмешищем для всей Греции. Мне все равно, чего требуют от меня боги. За попутный ветер я отдам им все, что угодно.

Предсказатель хмуро покачал головой:

— Царь, дева призывает к себе деву. Лунная богиня Артемида гневается. Царица дев, воинственная охотница с лесистых холмов, окруженная дикими зверями, требует жертвы. Ей нужна дева, и она требует твою дочь Ифигению.

Царь простер вперед руки, на лице его расцвела широкая улыбка.

— Я с радостью отдам дочь богине. Отдам вместе с богатым приданым, достойным принцессы. Я собирался выдать ее замуж за Ахилла¹, благороднейшего из героев, но, если ей суждено стать жрицей Артемиды, так тому и быть.

Предсказатель был отважным человеком, но сейчас ему хотелось только одного — чтобы рядом с ним оказался кто-нибудь из героев, который смог бы его защитить от гнева царя. Но он стоял совсем один, ему пришлось собрать все свои силы, чтобы произнести страшные слова. Он выпрямился во весь рост и простер к небу окровавленную руку:

— Охотница призывает деву! Богиня пантеры, богиня медведя на северных холмах, богиня волка, алчущего по ночам крови. О, царь, ты должен перерезать горло своей дочери, чтобы ее кровь оросила алтарь богини. Тогда и только тогда богиня смилостивится и пошлет тебе попутный ветер.

Тягостная минута прошла в молчании, но краска гнева залила лицо помрачневшего царя, его глаза налились кровью, рука потянулась за саблей, и

¹ А х и л л — герой и воин. По преданию, мать, желая сделать его неуязвимым, купала его в водах подземной реки Стикс. Только пятка, за которую она его держала, осталась уязвимой; отсюда выражение — ахиллесова пята.

он уже наполовину вытащил ее из ножен. Как бы он хотел рассечь этого подлого предсказателя пополам! Вместе с его проклятой священной лентой.

— Это заговор, заговор против меня, — зарычал царь, обретя наконец голос. — Кое-кто из героев домой захотел, а всю вину хотят свалить на меня. Не выйдет! Я отомщу гнусным предателям! И лгуну-предсказателю! Ему посулили кучу золота, чтобы он сочинил эту басню.

Предсказатель рад был, что исполнил свой тяжкий долг и остался жив. Он поспешил скрыться, не промолвив ни слова. На следующий день ветер дул в прежнем направлении, прошел еще день, и направление ветра не менялось. Мрачнее тучи, царь в одиночестве вышел на мыс и долго стоял там, глядя в морскую даль. Герои по одному стали подходить к царю. Первым — Одиссей¹. Он был хитроумнейшим среди героев, и дал царю коварный совет. Вслед за ним подошел могучий Аякс², тот был в страшном гневе. Ведь многие пришли к царю, чтобы отдать жизнь за него, а царь не хочет пожертвовать жизнью кого-то из своих близких. Затем пришел Ахилл, славнейший из героев, тот, кому его мать-богиня нашептывала, что ему не суждено вернуться из Трои. Менелай³, брат царя и

¹ О д и с с е й — царь Итаки, храбрый и хитроумный, он сражался под стенами Трои. Это он изобрел троянского коня. После осады Трои отправился в странствия и странствовал 20 лет. Странствия Одиссея описаны в гениальной поэме Гомера «Одиссея». (Примеч. пер.)

² А я к с — легендарный герой Древней Греции, участник Троянской войны. Он был могуч и грозен, его мощное копье разило без промаха, а защищался он огромным щитом, покрытым медью. (Примеч. пер.)

³ М е н е л а й — царь Микен после гибели Агамемнона и воин, муж прекрасной Елены, похищенной Парисом и увезенной в Трою. (Примеч. пер.)

покинутый муж, пришел с бранью. Он кричал, что его честь будет навсегда поругана, если он не вернет Елену.

Но ветер продолжал дуть с прежней силой. И снова подошел к царю Одиссей, снова и снова он нашептывал ему свои советы. Слова его были мягки и холодны, подобно хлопьям снега зимой, они охлаждали гнев царя, толстым слоем покрывали стыд и замораживали боль. И вот настал день, когда царь кивнул в знак согласия, кивнул и зарычал, не в силах сдержать боль и ярость.

И вскоре к вратам Микен явился посланец с радостной вестью. В отсутствие царя Агамемнона в Микенах правила его супруга, а старейшины помогали ей. Посланец от имени царя наказал царице подготовить дочь к свадьбе и отправить ее прямо в военный лагерь на встречу с женихом, Ахиллом. Это было замечательное известие. Царица и радовалась, ведь Ахилл был славным героем и очень богатым человеком, и печалилась, ведь царство Ахилла было так далеко от родных Микен, на севере, и могло так случиться, что она больше никогда не увидит свою дочь. И тогда царица решила нарушить приказ мужа, который повелевал ей остаться в Микенах и править царством. Она отправилась в Авлиду вместе с дочерью, чтобы присутствовать на свадьбе.

Блестящим был свадебный кортеж, сопровождавший царскую дочь на ее странную свадьбу. Прелестны были подружки невесты, неисчисляемы были сокровища в ее приданом. Тут были и золотые украшения искусной работы, и драгоценные кам-

ни, и платья с вышивкой удивительной красоты, и сосуды с дорогими благовониями, и сундуки, украшенные инкрустациями из слоновой кости. Не было упущено ничего, что могло продемонстрировать богатство царя, гордость царицы или величие приближающегося события.

Сколь радостными были участники свадебной процессии, столь мрачны и печальны были встречающие. Царь едва мог выдавить из себя несколько слов, никто из героев не осмелился сообщить несчастной девушке, какая участь ее ожидала. Но рано или поздно это надо было сделать, и это было сделано.

Бедная Ифигения оплакивала не только свою ужасную судьбу, но и свои светлые мечты, которым не суждено было сбыться, и обманутые надежды. Царица пришла в ярость. Она была подобна львице, у которой отняли ее детенышей, она клялась отомстить царю за то преступление, которое он собирался совершить. Но решение было уже принято, и царь видел, что теперь от того, в каком направлении будет дуть ветер, зависит не только его слава, но и судьба его царства, да, пожалуй, и сама его жизнь.

То, что Ифигения была дочерью великого царя, который приходился родней великим богам, теперь ничего не значило. Выплакав все слезы о своей погибшей молодости и о том счастье, которого ей не суждено было испытать, храбрая девушка сказала, что готова умереть за честь и славу своего отца. Она приказала своим служанкам одеть ее в простое белое платье, которое полагалось жертве. Тверды-

ми шагами шла Ифигения к алтарю, где ждал ее царь. Ифигения шла и пела погребальную песнь. Возможно, это была песнь, написанная великим поэтом, песнь, в которой девушка навсегда прощается со своей молодостью и жизнью. Калина знала эту песнь и спела ее, закончив рассказ.

Наступила тишина, только веретена продолжали вращаться. Повесть была такой печальной, что никто не осмеливался заговорить. Первой нарушила молчание Атенаис, она повернулась к Юнис:

— На мой взгляд, царь Агамемнон допустил страшную ошибку. Что ты на это скажешь?

Юнис энергично покачала головой:

— Нельзя дурно говорить о богах или героях. От этого может случиться несчастье. — С этими словами служанка сделала магический жест, отгоняющий злых духов.

— А ты что об этом думаешь, Филис? — продолжала допытываться Атенаис.

Филис вообще никогда не думала, если только этого можно было избежать.

— Времена были другие, — невнятно пробормотала она.

— Ты права, времена были другие, — мягко ответила Атенаис, — но понятия добра и зла неизменны. Вспомни только, что случилось с Агамемноном спустя десять лет, когда он с триумфом вернулся после взятия Трои. Царица убила его секирой, когда он принимал ванну. Но и она погибла от руки своего сына, который по воле богов в наказание потерял рассудок. Зло расплодилось как зараза по всей семье царя.

— Но ведь это Артемида потребовала жертвы, — сердито заметила Калина. — Почему же мы виним во всем царя?

— Но разве она действительно потребовала этого? — спросила Атенаис. — Кто знает, почему ветер меняет направление и в чем воля богов? Может быть, провидец ошибся, а может быть, Артемида решила испытать царя. Кто знает? Вспомните, когда герои подошли к алтарю, они не увидели там тела девушки. Там лежала заколотая лань. Артемида подняла Ифигению на облако, а на алтарь положила животное.

Атенаис посмотрела на Алу, которая слушала мать с замиранием сердца и хмурилась, пытаясь разгадать смысл рассказанной истории.

— Хотите знать, что случилось потом?

— Да, расскажи, мамочка, пожалуйста.

— Ну, слушайте. Далеко-далеко на севере лежит дикая страна Таврия¹. Она покрыта густыми лесами, в которых обитают медведи, опасные хищники и свирепые орлы. Дикари, населяющие эту страну, почитают богиню, ведь охотница самая могущественная в этих диких местах. Для Артемиды они построили огромный и мрачный храм, боги послали им с небес ее изваяние, чтобы дикари знали, что нужно богине. Сюда и поселила Артемида Ифигению, которая стала ее жрицей.

¹ Т а в р и я — это Крым, который для греков в те далекие времена был холодной и неизведанной страной. Тем не менее они добрались туда и основали там свои поселения. Остатки древних греческих храмов вы можете увидеть в Херсонесе под Севастополем, раскопки проходили и в Коктебеле, эти места напоминают побережье Греции, поэтому греки и селились там. До сих пор в этих местах из моря иногда достают обломки древних амфор. (Примеч. пер.)

— Была принцессой, а стала рабыней богини, — резко отозвалась Калина. — Что до меня, я бы лучше пролила кровь на алтаре. Странная вещь — милость богов, как же они эгоистичны. Они никогда не думают о нас.

— Бедная Калина, — успокоила ее Атенаис.

Она знала, что девушке ненавистно ее положение рабыни, но хозяйке это было непонятно, ведь Калина родилась в рабстве, и в этом, по глубокому убеждению Атенаис, и заключалось ее предназначение.

Но девушка была слишком умна, Калину готовили для того, чтобы развлекать образованных хозяев, а скука женской половины дома и глупые пересуды рабынь ее раздражали. Калина ссутулилась и помрачнела, она очень не любила, когда ее жалели.

— Ты права, Ифигения была несчастна, — продолжила Атенаис, — да и как могло быть иначе, ведь она была так далеко от родины, среди дикарей. Но Калина слишком много думает о счастье и слишком мало о мудрых целях, которые преследуют боги. У жителей Таврии был страшный обычай. Они хватали любого чужестранца, попавшего к ним после кораблекрушения, или путешественника, которому надо было пересечь их страну, и приносили его в жертву Артемиде. Жертвоприношения происходили перед изваянием богини, которое упало к ним с небес.

Не сомневайтесь, Ифигении этот ужасный ритуал был ненавистен, ведь она выросла в другом мире, но изменить ничего не могла, хотя мне ино-

гда кажется, что именно для этой цели Артемида и поместила ее в свой храм в Таврии. Но пока Ифигению часто призывали для совершения обряда очищения над жертвой, чья кровь должна была пролиться на алтарь. Шло время, и ничто не менялось на земле Таврии. А ведь уже была завоевана Троя, и царь Агамемнон вернулся домой с победой — на свою погибель. Прошли годы, и из дальних стран вернулся Орест, сын царицы, куда его тайно отправили друзья отца, чтобы спасти от гнева матери. Орест отомстил за отца, убив свою мать.

— И сделал благое дело! — воскликнула Юнис, в ужасе воздев руки к небу. — До чего мы дойдем, если жены начнут убивать своих мужей!

— Наверное, и боги так думали, — согласилась Атенаис, — но для ребенка это страшное зло — убить свою мать. Боги жестоко наказали Ореста, его стали посещать страшные видения, которые довели его почти до безумия. И тогда боги пообещали даровать ему прощение после того, как он совершит подвиг в их честь. На него была возложена трудная задача. Орест должен был спасти изваяние Артемиды, которое хранилось на ее алтаре в Таврии. Боги не хотели, чтобы на алтарь лилась человеческая кровь.

Орест погрузился на корабль и отправился в Таврию. Прибыв туда, он не стал высаживаться на берег открыто, поскольку не хотел, чтобы его принесли в жертву богине. Он спрятал корабль в небольшой бухте и, взяв с собой товарища, скрытно отправился вдоль берега в поисках изваяния, кото-

рое они собирались выкрасть из храма. Однако их заметили, схватили, связали и притащили в храм Артемиды, с тем чтобы жрица могла совершить обряд очищения.

Ни Орест не узнал своей сестры, ни Ифигения — своего брата. Когда отец вызвал ее в Авлиду, ей было четырнадцать лет, а Орест еще лежал в колыбели. Уже много лет в Таврию не попадал ни один грек, и Ифигения страстно желала узнать, что же происходит на ее родине. Она ничего не знала ни о взятии Трои, ни о том, что ее отец убит, ни о гибели своего жениха, Ахилла. Она не знала, что Одиссей, который посоветовал отцу послать ее на смерть, вот уже долгие годы странствовал неизвестно где и с какой целью. Ифигения начала задавать вопросы, понемногу они разговорились, и девушка поняла, что перед ней ее собственный брат, единственный наследник ее благородного рода и будущая жертва богини.

Сколько слез было пролито, сколько ласковых слов было сказано, не пересказать. Наконец брат с сестрой составили заговор, они решили бежать, захватив с собой изваяние Артемиды. Ифигения вызвала к себе царя Таврии и заявила ему, что один из пленников, который будет принесен в жертву, виновен в убийстве и должен подвергнуться специальному и тайному обряду очищения в морской воде. Но самое страшное не то, что будущая жертва виновна в страшном преступлении. Ужасно то, что пленник дотронулся до священного изваяния богини, и его придется доставить к морю для очищения. Ифигения потребовала, чтобы плен-

ников крепко связали, так, чтобы те едва могли передвигать ногами, и тогда она сможет вместе с ними и с изваянием богини добраться до берега моря без посторонней помощи. Никто не должен видеть обряда очищения.

Царь ответил согласием. Он боялся гнева Артемиды и не видел оснований не доверять жрице. Но еще страшнее было оставить жрицу наедине с двумя сильными мужчинами, даже связанными, ведь они могли осквернить священное изваяние. Итак, царь из двух зол выбрал меньшее и, притворившись, что уходит, спрятался за камнями, чтобы наблюдать за процессией.

Какова же была его ярость, когда он увидел, что жрица развязывает веревки и освобождает пленников, а из-за мыса выплывает военный корабль с пятьюдесятью гребцами и стремительно летит к берегу. Его предали. Дикий крик разнесся по берегу, царь бросился вдогонку за беглецами, а они устремились в волны прилива, навстречу спасителям. Услышав крик царя, на берег примчались его воины с саблями наголо, и казалось, уже ничто не спасет несчастных беглецов, но им на помощь пришла великая Афина Паллада. Она давно наблюдала за ними и в самый критический момент помогла гребцам. Корабль вовремя достиг берега, матросы попрыгали в воду и подняли на борт жрицу со священной реликвией, Ореста и его верного товарища. В это время лучники, стоя на палубе, не переставая выпускали в сторону берега свои меткие стрелы, и воины царя Таврии не осмелились преследовать корабль.

— Они спаслись! — радостно воскликнула Ала, уронив веретено на землю. — Они спаслись, и бедная принцесса вернулась домой.

— Нет, милая, домой она не вернулась, — ответила Атенаис с улыбкой, — ведь ее родители были мертвы, а она много лет провела вдали от дома. Ифигения отправилась в Афины и построила не-вдалеке от города храм Артемиды. Там ты сама сможешь увидеть священное изваяние богини, то самое. Афины всегда были гостеприимным городом. Царь Тезей, в честь которого проводятся сегодняшние игры, сделал Афины убежищем для всех несчастных и прекрасным местом для жизни. Даже деревянному изваянию приятнее находиться в Афинах, чем в дикой Таврии.

Ала огорченно покачала головой. Конец истории ей совсем не понравился. Страшно было думать, что обгаренное человеческой кровью изваяние находилось в Афинах.

— Не следует бояться изваяния, — сказала Атенаис. — В наши дни в дар богине приносят вино и сладости, украшения и маленькие подарки и кладут их на алтарь. Артемида никогда не нуждалась в человеческой крови. В Греции Артемида — защитница маленьких девочек, тех, которым еще рано выходить замуж. Только одно напоминает нам, что с этим изваянием связана страшная история. Богиня любит иногда вспомнить о диких лесах и зеленых холмах Таврии, об отважной царской дочери, которая ей служила в храме. И чтобы порадовать богиню, один раз в году мы исполняем для нее танец медведей, и она может легко представить

себе, как медведи в лунном свете прокрадываются в освещенных луной зарослях.

Ала широко улыбнулась:

— Мамочка, конечно, Артемида — моя богиня, и ты специально все это рассказывала, чтобы я узнала о танце медведей, правда?

— Конечно, милая, — кивнула Атенаис, — чтобы ты узнала больше о богине и чтобы день не тянулся так долго. Но теперь Клейтос уже закончил свой забег, и с минуты на минуту должен появиться Сандас, и мы узнаем, чем все закончилось. Давайте-ка уберем пряжу и приведем себя в порядок. Сегодня праздник, праздник для всех, а не только для мужчин.

В это время с мужской половины послышались радостные крики.

— Победа, победа, хозяйка! — радостно воскликнул Сандас, вбегая на женскую половину. — Он выиграл. Боги были на нашей стороне! Малыш Формио поскользнулся на старте! А наш молодой хозяин бежал, как и подобает сыну чемпиона.

Женщины захлопали в ладоши, поднялся веселый шум, Ала вскочила с табуретки и поскакала по дворику, забыв о своей кукле. Радость охватила всех присутствующих, даже обычно печальная Калина слегка улыбнулась и попросила Сандаса рассказать все подробно, с самого начала. И только у Атенаис, которая была всегда добра ко всем без различия, нашлось доброе слово для Формио, главного соперника Клейтоса.

— Бедный Формио, ему-то сейчас каково, — произнесла она задумчиво.

— Ну вот еще, хозяйка беспокоится о Формио. — Юнис была так возмущена, что забыла о приличиях. — Стоит ли горевать о мальчишке, которого мы никогда не видели? Думать о каком-то Формио, когда наш дорогой мальчик всех победил!

Атенаис, не вмешиваясь в болтовню женщин, крепко поцеловала Юнис в благодарность за ее энтузиазм.

ТАНЕЦ МЕДВЕДЕЙ

— Клейтос, а Клейтос, что такое медведь? — Ала тянула брата за край туники. — Ну, Клейтос, расскажи!

— Отстань, глупая девчонка, — недовольно проворчал Клейтос, — не приставай! Медведь — это такой зверь!

— Сам ты глупый! Думаешь, раз я девочка, так значит, ничего не знаю! Знаю, что зверь. Ты лучше расскажи, какой он. Юнис говорила, что ты видел медведя.

— Правда, видел, — смягчился Клейтос. — По Афинам ходил один бродяга с медведем на веревке. С ним был мальчишка, который играл на флейте, а медведь вставал на задние лапы и плясал.

— Правда? Ты видел, как медведь танцует? Танцевал, вот как я сейчас? — И Ала прошлась в танце по дворику, стараясь изобразить медведя, которого никогда не видела.

— Ну уж, конечно, не так! — Клейтос снова начинал злиться. — Он был высокий, когда вставал на задние лапы. Ну, точно как наш папа.

Большой такой, неуклюжий, тяжелый. Ну все, отстань.

Но Ала была упорна.

— Ну, посмотри теперь, Клейтос! Как он танцевал? Вот так?

— Да нет же, совсем не так! Ничего похожего! — Клейтос терял остатки терпения. — У него огромные лапы с длинными и острыми когтями, и он тряс ими в воздухе. И пасть у него была огромная и красная, и язык такой длинный, и страшные острые зубы, чтобы съесть тебя, р-р-р-р-р-р-р.

— Перестань, перестань, Клейтос. — Ала испуганно оттолкнула брата. — Не надо больше!

— Оставь ребенка в покое, — вмешалась Юнис, — как не стыдно дразнить сестру! А еще старший брат! Почти взрослый мужчина!

— Да как ты смеешь так разговаривать со мной? Жалкая рабыня! — Клейтос с размаху ударил Юнис по щеке.

Юнис закрыла лицо руками и, не промолвив ни слова, отступила назад. Филис, наполнявшая очередной кувшин водой, от испуга пролила несколько драгоценных капель на пол и молча уставилась на Клейтоса. Атенаис сидела невдалеке за своей прялкой.

— Да, Юнис — наша прислуга, — негромко произнесла она, оторвавшись от работы, — но ты — единственный человек в нашем доме, который посмел ее обидеть. Никто и никогда себе такого не позволял.

Клейтос был смущен и подавлен. Он с трудом сдерживал слезы и в то же время готов был снова впасть в ярость.

— Юнис забылась! Она должна помнить, с кем говорит! Она еще смеет обращаться со мной как с младенцем! — Клейтос перехватил испуганный взгляд Филис, застывшей с чашкой в руках, из которой на пол лилась струйка воды. — И нечего на меня так смотреть, вы, вы, женщины.

С этими словами он стремительно выбежал с женской половины дома.

— Не сердись на него, Юнис, — мягко сказала Атенаис, обращаясь к служанке, которая так и сто-

яла неподвижно, закрыв лицо руками. — Клейтосу сейчас очень трудно. Для школы он уже слишком взрослый, а до военной службы он еще не дорос. Уже не мальчик и еще не мужчина. Он сам не понимает, что с ним происходит, не знает, что с собой делать. Взросление — тяжелый период. Это не только радость, это еще и боль.

— Он вырос у меня на руках, — слабым голосом произнесла Юнис. — Сколько ночей я провела у его изголовья, когда он болел...

— Ах, Юнис, ты же знаешь, он не хотел тебя обидеть.

— Юнис забыла, что она — просто рабыня, — с горечью заметила Калина, — вот ей и напомнили, кто она на самом деле.

Атенаис ничего не сказала в ответ, и это было мудро. С Калиной иногда лучше было промолчать. Она повернулась к дочери:

— Вот что, Ала, давно пора приниматься за дела. Садись за прялку. И прошу тебя, никогда больше не дразни брата, он этого не выносит.

Ала тихо всхлипывала и терла мокрые от слез глаза:

— Я не дразнила. Я только спросила про медведя...

— Ну, успокойся, попросим Калину, и она нарисует тебе твоего медведя.

Калина и в самом деле нарисовала медведя, но этот рисунок мало чем помог. По признанию самой художницы, медведя она видела только на картинке. Там были нарисованы медведь и лев. Вот и сейчас Калина нарисовала обоих зверей, но, надо сказать, по виду они почти не отличались друг от друга. Правда, у льва был хвост, а у медведя его не было. Но Атенаис сказала, что это совсем не важно. Жрицы, изображающие медведей, никогда не надевают медвежьих шкур и не пытаются выглядеть как настоящие медведи. В шкурах было бы жарко и неудобно танцевать, кроме того, такие танцы могли бы напугать маленьких детей. Так что лучше Але просто подождать до тех пор, пока она собственными глазами увидит танец медведей.

— Мамочка, но что же это за танец?

— Тебе еще рано об этом знать, малышка, — с улыбкой ответила Атенаис, — подожди. Скоро подрастешь и все увидишь сама. Женщины, которые этот танец видели, никогда не должны рассказывать о нем тем, кто его не видел. Мужчины видят этот танец, только если у них есть дочери, которых они должны отвести на это представление. Вот когда ты будешь постарше и тебе нужно будет отнести свой дар богине, я научу тебя петь гимн, который поют девочки, ну а остальное ты увидишь сама.

Конон больше не заговаривал о своем обещании, но никому и в голову не приходило, что он мог о нем забыть. Тысячу раз на дню Юнис приходилось повторять одно и то же.

— Алеция, причесывайся аккуратней, а то отцу стыдно будет вывести тебя на люди. Что он скажет, если у тебя подол будет криво висеть? Опозорить нас хочешь? Как не совестно ходить в таком грязном платье?

И так снова и снова. Порой девочка готова была накричать на Юнис, как когда-то это сделал Клейтос.

Но женщины вовсе не собирались оставить Алецию в покое или допустить какой-нибудь беспорядок в ее прическе или одежде. Когда наступил долгожданный день, ее каштановые волосы были тщательнейшим образом промыты, обработаны яичным белком и уложены. Теперь ни одна прядка не выбивалась из красивой прически. А сколько сил было потрачено на то, чтобы почистить и отполиро-

вать ногти. Но вот наконец девочка сияла чистотой, ее нарядили в новое, кипельно-белое платье, а Филис мастерски заложила на нем красивые складки, которые наистрожайшим образом было запрещено трогать. Алеция была возбуждена от торжественности момента. Еще за десять дней Юнис сняла мерку с ноги девочки и заказала у сапожника настоящие кожаные сандалии. В них Алеция чувствовала себя не очень свободно. Ремешки натирали ноги, и ходить было не очень удобно, хотя она и разнашивала их понемногу каждый день. Но Юнис считала, что это как раз очень полезно.

— Зато прыгать не будешь, а пойдешь себе скромненько, — приговаривала она.

В этот день Алеции все представлялось таким странным и необычным. Казалось бы, выходишь из своей комнаты, которую знаешь наизусть, проходишь через дворик на мужской половине дома, слуга открывает двери на улицу, и ты спускаешься вниз по дороге к колодцу, где ходишь каждый день то с Филис, то с Юнис. Но теперь все по-другому. На ногах тяжелые поскрипывающие сандалии, ты идешь чинно и спокойно, держась за край туники отца, ты даже не останавливаешься у колодца, а когда встречаешь соседку, которая спешит за водой с кувшином, ты не знаешь, можно ли с ней поздороваться, ведь она просто рабыня...

Сначала Ала собиралась поздороваться и уже начала улыбаться, но соседка прошла мимо с таким видом, будто вообще никого рядом с Кононом не было. Ала покраснела и отвернулась. К счастью, у

нее не было времени, чтобы расстраиваться по поводу этого случая. Они с отцом быстро миновали колодец и погрузились в новый мир.

Наверное, он не казался бы Алеции таким непохожим на ее собственный, если бы Юнис не запугала ее своими предостережениями. Ала уткнулась лицом в полу отцовского плаща, чтобы спрятаться от взглядов встречающих прохожих, которые, по ее мнению, только и смотрели на нее, приговаривая: «Что это за малышка вышла на улицу? Посмотрите-ка на нее! Как же замечательно воспитали ее родители, как чудесно она одета!»

День клонился к вечеру, но узкие улицы были полны народом. Мужчины возвращались домой с военных учений, рабы спешили по делам своих хозяев, возвращались домой крестьяне, которые несли пустые корзины или вели за собой осликов без поклажи. Рынок закрылся еще утром, но они провели часть дня в пересудах и разговорах. Алеция и Конон с трудом пробирались в толпе, когда же им навстречу двинулось стадо коз, они вынуждены были встать в дверном проеме какой-то лавчонки. Темнокожий хозяин тут же бросился к ним, схватив Конона за руку, начал громко расхваливать свой товар:

— Купите амулет для служанки Артемиды, купите ей браслет в приданое! Красавица, давай я тебе погадаю! О, господин, давай предскажу тебе судьбу! Всего один обол! За одну медную монету ты получишь всю мудрость Востока!

Конон оттолкнул навязчивого торговца, и тот разразился злобными проклятиями, которые еще дол-

го разносились по улице, пока не потонули в уличном шуме. Ала испуганно прижалась к отцу, а тот, не обратив ни малейшего внимания на случившееся, быстрым шагом направился вперед. Когда они оказались на улице, где жили и работали оружейных дел мастера и где до сих пор не стихал стук молотков, Ала, наконец, опомнилась и огляделась по сторонам. И тут оказалось, что никто не обращал на девочку никакого внимания. Все были заняты своими делами, и даже когда Конон встречал знакомых и те останавливались, чтобы переброситься несколькими словами, они даже виду не подавали, что заметили Алецию. Большинство из них произносили одну и ту же фразу: «Идешь смотреть танцы?» Об этом было нетрудно догадаться, ведь за Кононом следовал раб, который должен был освещать дорогу на обратном пути.

Танцы устраивали на Акрополе, огромном холме, расположенном в самом центре города, на котором возвышался мраморный храм Афины Паллады. Конон с дочкой были уже у самого подножия холма, когда к ним подошел еще один знакомый, рядом с которым тоже вышагивала дочка. И пока мужчины беседовали, девочки с интересом разглядывали друг друга, не выпуская из рук края отцовских плащей.

Алеция робко улыбнулась голубоглазой светловолосой незнакомке, а та в ответ подмигнула ей. Ала на всякий случай отвернулась. Она была в недоумении. Наверное, у девочки тик, и у нее дергается глаз, не может же она в этот торжественный момент вести себя так легкомысленно. Но когда Ала вновь

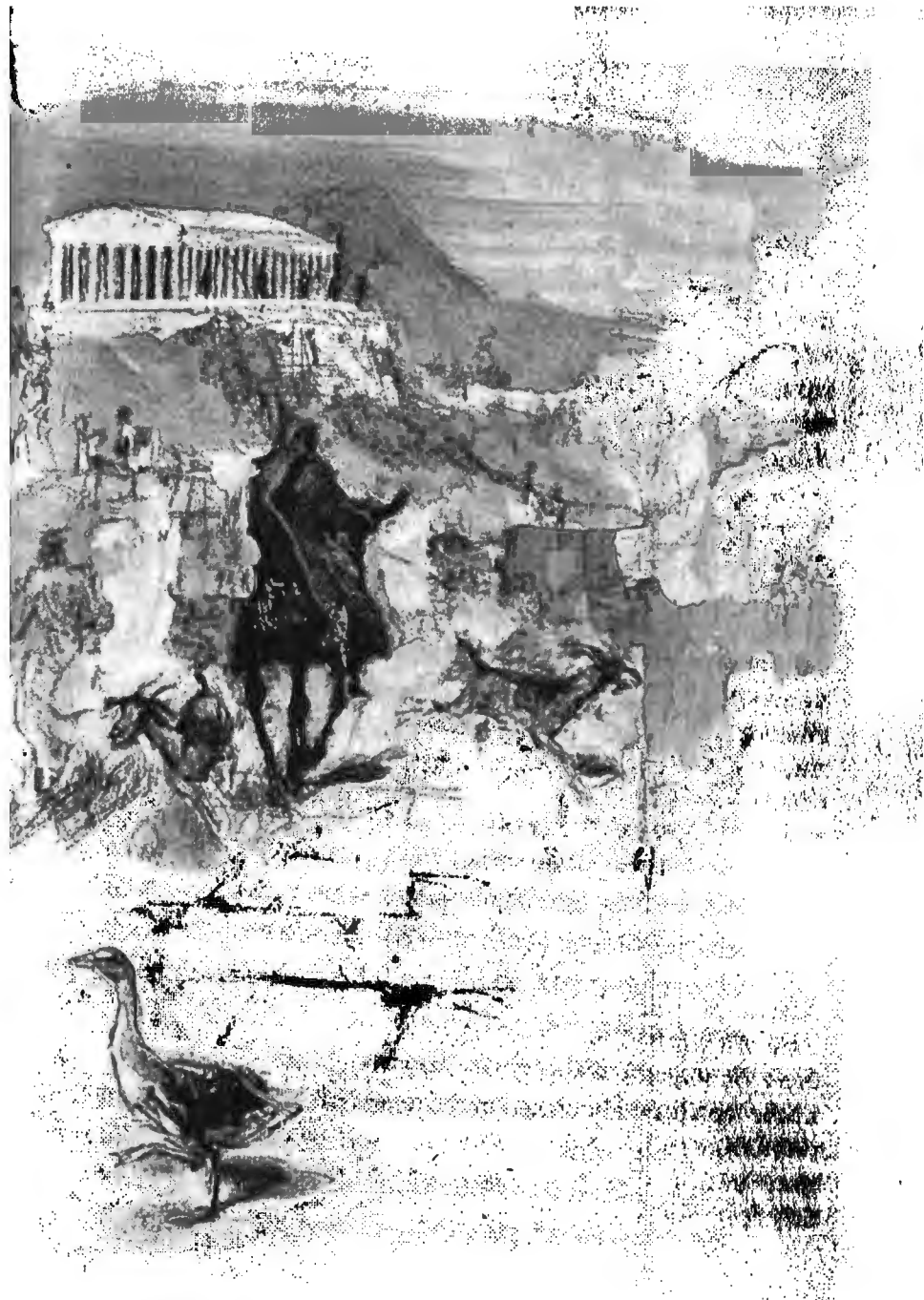
взглянула на нее, незнакомка хихикала и строила гримасы. Алеция прикрыла рот рукой, чтобы самой не рассмеяться. На такой случай Юнис не снабдила ее никакими указаниями. К счастью, мужчины двинулись вверх по холму, прежде чем что-нибудь случилось. Теперь девочек разделяли могучие фигуры отцов, и они не видели друг друга.

Их окружало множество пар: отцы вели своих дочерей на праздник. Каких только девочек тут не было. Белокожие, выросшие в городе, и загорелые на раскаленном солнце в деревнях и испуганно озирающиеся в городе, высокие и низкорослые, хорошенькие и не очень, красиво одетые и неряшливые, все они были тихи и молчаливы, понимая торжественность момента.

На вершине холма, на большой лестнице, которая вела к святым местам, стояли продавцы специальных сладостей, которые девочки должны были принести в дар богине. Это были маленькие фигурки зверюшек или птиц, вылепленные из теста, в которое добавляли шафран, поэтому они были ярко-желтого цвета. Пока Конон покупал для дочки фигурку лани, чтобы девочка могла принести ее в дар богине, Ала перехватила взгляд другой маленькой девочки, тоже стоявшей рядом с отцом. Как только она поняла, что на нее смотрят, девочка состроила ужасно смешную рожицу, засунув пальцы в углы рта, растянув ноздри и уголки глаз и высунув язык.

Прежде чем Ала решила, как ответить этой кривляке, Конон наклонился к дочери со словами: «Помни, что эта маленькая лань, которую ты положишь на алтарь богини, — знак того, что ты служишь ей,

и что однажды ты должна будешь принести ей большой дар, твой собственный». После этих слов к Але вновь вернулось торжественное настроение, и она склонила голову в знак согласия.

Для танцев отводилась площадка перед святилищем Артемиды, и хотя у богини было свое священное место на Акрополе, где была установлена ее мраморная статуя, выполненная великим скульптором в строгом стиле древних времен, деревянное изваяние богини, когда-то упавшее с небес, находилось не здесь, а в Бравроне, небольшом поселении на морском побережье. Это оно повелевало верховной жрице храма, в котором обитал дух Ифигении, отправляться в Афины и благословлять танцы. Праздники в честь Артемиды проходили каждый год, но раз в четыре года торжества были особенно великолепными, и этот год был как раз четвертым годом цикла. По окончании танцев верховная жрица, изображавшая Ифигению, уводила процессию обратно в Браврону для совершения священного ритуала, Великой Тайны, в честь которой устраивались спортивные игры и декламация стихов.

Ала с любопытством огляделась по сторонам. Позади площадки для танцев и немного в стороне был установлен шатер, плотно укрытый зелеными листьями лавра и увешанный гирляндами. Перед ним на алтаре горели сосновые поленья, их аромат был особенно приятен богине. Солнце садилось, и хотя вокруг площадки горели факелы, Ала могла разглядеть только неясный силуэт верховной жрицы, неподвижно, как статуя, сидевшей на троне внутри шатра.

Никаких медведей не было. Перед алтарем стояла жрица, ее голова была обвязана священными шерстяными лентами, знаком ее высокого положения. Другие жрицы двигались сквозь толпу, собирая желтые фигурки в большие корзины. Ала положила свою лань наверх и увидела, что корзину сразу же унесли прямо к алтарю. Здесь жрица взяла одну фигурку и раскрошила ее над пламенем, прося у Артемиды милости для тех, кто ей поклонялся. После этого корзину поставили перед шатром рядом с другими.

Солнце уже опустилось к горизонту, сейчас оно напоминало огненный шар, скользящий по краю холмов, окружавших западную равнину. Толпа вокруг площадки становилась все плотнее, и Конон посадил Алу на плечи, чтобы она могла лучше видеть, что происходит вокруг.

Верховная жрица медленно поднялась со своего трона, протянув руки перед собой и раскрыв ладони к небу. Ее голова была увенчана высокой короной, белое с серебром одеяние было просторным и собранным на талии. Широкая юбка, такая, какие носили в древние времена, спадала мягкими складками. Кожа великой жрицы была так отбелена, что она сама скорее напоминала статую, чем живую женщину.

Так она стояла неподвижно, обозревая замершую перед ней толпу. Все разговоры стихли, и только чириканье воробьев, которые с незапамятных времен оккупировали храм Афины, нарушало торжественную тишину. Когда же солнце скрылось за грядой холмов, верховная жрица повернулась к во-

стоку, где высилась гора Химеттос, освещенная последними лучами заходящего солнца, воздела руки к небесам и запела молитву.

Ей так много надо было рассказать богине Артемиде, ведь у нее было множество имен и так много обязанностей. Это она — светлая Феба, сестра Аполлона, летящая над землей на своей лунной колеснице, это она — охотница, пробирающаяся по заросшим лесом холмам, это она первая танцовщица среди кружащихся в лунном свете нимф. Когда богиня гневается, она посылает из своего серебряного лука стрелы, несущие болезни. По зову рассерженной Артемиды выходят из северных лесов свирепые волки и нападают на стада, принадлежащие провинившимся перед ней смертным. Но она не только карает, она и исцеляет. Артемиде — богиня деторождения, она облегчает страдания при родах женщинам и животным. Она охраняет стада овец и коз, пасущиеся в горах, и пастухи считают ее своей покровительницей. Под ее защитой находятся и дети, и детеныши животных, но особым покровительством Артемиды пользуются маленькие девочки и молоденькие девушки, которым еще рано выходить замуж. Согласно древним легендам, именно она каждый год помогает весне появиться на свет и прогоняет зиму. Она может управлять штормами, ведь погода во многом зависит от фаз луны. Так что царь Агамемнон не случайно должен был именно у Артемиды выкупить попутный ветер.

Итак, всем этим управляет Артемиде, и без ее благословения ни один смертный не может жить

счастливого, ни одно животное не может существовать, ни одно стадо не будет спокойно пастись, даже плодородная земля не сможет плодоносить без ее воли. Но Артемида внушала смертным благоговейный трепет, а порой ужас, ведь ей пришлось видеть столько пролитой крови. Как гласили старинные легенды, в древние времена в честь богини женщины устраивали безумные пляски. Даже сейчас, Ала знала это, богиня пила кровь козлят. Во время праздника Артемиды пастухи, которые почти весь год обходились без мяса, закалывали козленка в честь богини.

Но вот закат погас, и вечерняя звезда зажглась на небе. Долгая молитва закончилась, все замерло в молчании, и в тишине сначала тихо, потом все явственнее из сгустившейся тьмы зазвучала флейта, к ней присоединилась вторая, потом третья. Это заиграли пастухи, которые разместились на камнях, в беспорядке разбросанных по другую сторону шатра. У ног каждого из них лежал посох, а верный пес сидел рядом.

— Они вызывают луну, — шепнул Конон на ухо дочери.

И правда, из-за горы Химеттос разлилось серебристое сияние, а в потемневшем небе одна за другой вспыхивали звезды. Пронзительно заиграли трубы, перекликаясь друг с другом, взывая и плача, и, как бы отвечая на их призыв, показался светлый диск луны. Ничего не происходило до тех пор, пока он не поднялся высоко над мраморным храмом Афины и в круге, очерченном факелами, стало светло как днем. За шатром, в котором находилось изваяние,

задвигались бесшумные тени. Один за другим, переваливаясь и покачивая в воздухе лапами, показались медведи.

Но когда они приблизились, Ала почувствовала разочарование. Это были всего-навсего маленькие девочки, забавно пытающиеся изобразить больших неуклюжих животных. Они встали в кружок и по одному выходили в центр, демонстрируя свой наряд, а зрители аплодировали каждому новому медвежонку.

Все они были одеты в светло-желтые платья с длинными рукавами, на ладошках были меховые перчатки с длинными черными когтями. На голове каждого медведя была маска, полностью закрывающая голову. У первого медведя была большая черная голова, у второго — поменьше и желто-коричневая. У одного медведя была широко открытая пасть с высунутым розовым языком, другой оскалился, показывая страшные зубы, у третьего ухо свисало, как будто после застарелой раны, и морда у него была серая. Среди них был и совсем маленький медвежонок, только не было двух похожих.

Поначалу они не танцевали, а, медленно покачиваясь, двигались по кругу. Потом один медведь стал лапами подталкивать соседа, пока тот не свалился на третьего, который в ответ ударил его. Круг нарушился, медведи разбились на группы и медленно двигались, подталкивая друг друга. Время от времени один из них с глухим стуком садился на землю и снова вскакивал, положив лапы на плечи другого мишки.

Прямо напротив Алы большой медведь с высунутым длинным красным языком взобрался на плечи трех других медведей, вставших в кружок и взявшихся за руки. Медведь стоял прямо, покачиваясь в такт музыке и помахивая лапами, а троица несла его вокруг площадки для танцев, остальные медведи неуклюже топали за ними.

Трубы заиграли быстрее, пирамида медведей двинулась к центру площадки и начала вращаться в тесном круге, образованном остальными мишками, танцующими вокруг. Их движения становились все быстрее и быстрее, пока наконец большой медведь с диким ревом не свалился на землю, при этом его задние лапы продолжали выделять сложные танцевальные па.

Теперь это были уже совсем другие медведи, не спокойные, ручные, передвигающиеся как по команде, а дикие, рычащие, бросающиеся друг на друга, стремительнодвигающиеся по заросшим склонам, подобно обломку скалы, предвестнику лавины, несущейся с холмов. Дикий медведь могуч и неуправляем, он быстрее лошади, быстрее оленя, преследуемого собаками, а когда он танцует для богини, его железные мускулы перекачиваются под блестящей шкурой. То прыгая и изгибаясь, то кружась в дикой пляске, то сбиваясь по парам или по трое, то рассыпаясь по краям площадки, танцевали маленькие жрицы, освещенные лунным сиянием.

Время от времени, словно истратив все силы, они замирали, тяжело дыша, но и тогда один из медведей продолжал танцевать в центре круга, быстро

передвигаясь по белому песку. Но вот опять начинала звучать музыка, сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее, и все медведи опять соединялись в общей пляске.

Зрители бросали медведям охапки цветов, а те разбрасывали их по песку или разрывали на мелкие кусочки и кидали под ноги. Факелы гасли один за другим, и цветы, разбросанные по песку, казались черными. Захваченные зрелищем взрослые и дети, стоящие по краям площадки, тоже начали раскачиваться в такт музыке. Временами в мелодию танца врывался вой дикого волка, и это означало, что богиня со своими собаками охотится на холмах.

Затем запели мужчины.

— О Артемида, богиня матерей, дочь Лето¹, танцуй же на наших холмах. И пусть твои нежные локоны струятся по ветру, — выводили мощные басы, сливающиеся в один голос, и к ним присоединялись нежные девичьи голоса.

— Богиня луны, царица серебряного лука, ты, чье изваяние принесла нам царская дочь, мирно живи на благодатной земле Афин.

— Защитница юных дев, поселись навечно в белом храме на морском берегу и благослови нашу землю.

Достигнув наивысшего напряжения, музыка постепенно смолкла. Все было кончено. Конон снял дочь с плеч и поставил на землю, а девочка ухватилась за его плащ, дрожа от напряжения и холода. Конон погладил Алу по головке:

— Тебе понравились танцы, дочка?

Ала глубоко вздохнула. Зрелище показалось ей прекрасным, и она не в силах была произнести ни слова. Перед ее глазами до сих пор кружились желтые платя, мелькали черные маски в лунном свете, на белом песке темнели цветы. Неудивительно, что защитница всех девочек любит, когда танцуют медведи!

Конон продолжал что-то говорить дочери, но Ала, погруженная в свои мысли, ничего не слышала.

¹ Л е т о — дочь титанов и мать близнецов Аполлона и Артемиды. Лето и ее дети всегда единодушны и помогают друг другу. После появления на свет близнецов, отцом которых был Зевс-громовержец, Лето пришлось спастись от гнева его жены, ревливой богини Геры. Никто не решался приютить Лето, опасаясь мести богини. Она смогла найти приют только на острове Делос, где в ее честь воздвигли храм. (*Примеч. пер.*)

Отец удивленно посмотрел на дочь и громко произнес:

— В будущем году ты сама будешь танцевать танец медведей. Ты довольна?

Ала очнулась.

— О, папа, — у девочки от восторга перехватило дыхание, — неужели я смогу так танцевать?

ПУТЕШЕСТВИЕ

Прошло десять дней после представления, когда Конон принес с базара плетеную клетку, в которой сидел голубь и поглядывал на Алецию любопытными розовыми глазками.

— Это мне? Правда мне? — Ала с трудом могла в это поверить. Птичка была такой хорошенькой, с серо-голубыми крыльями, розово-пурпурной шейкой, с черной полоской на хвосте и розовыми лапками. Ала засунула палец в клетку, но голубь не обратил на нее ни малейшего внимания.

— Дай ему семечко, — предложила Атенаис.

— Ты должна заботиться об этой птице, Ала. Это твой дар богине Артемиде, — строго сказал Конон.

Ала быстро вытащила палец из клетки, и радостное выражение исчезло с ее лица. Значит, эта птица была предназначена в жертву богине. В те далекие времена приносить животных в жертву богам было так же естественно, как дышать. Когда крестьяне весной забивали скот, по этому случаю устраивался настоящий праздник. Они закалывали животных в честь своего бога или богини и сжига-

ли на алтаре внутренности животного, которые не годились в пищу. Поднимавшийся к небу дым должен был радовать богов, и при этом никто, кроме ненасытных стервятников, питающихся отбросами, не лишался пищи. Все были довольны, кроме крестьянских дочек, которые весь год ухаживали за жертвенным ягненком, и он успевал превратиться в любимое существо, с которым так трудно и страшно было расставаться. Лучше бы никогда не любить это бедное создание.

Так думала Ала, но искушение было слишком сильным. Конечно, надо дать голубю зернышко. Он был таким славным, и ведь он принадлежал ей, Але, по крайней мере сейчас.

— А когда мне надо будет отдать его Артемиде? — осторожно спросила она.

— Не раньше, чем ты сама этого захочешь, — пообещал отец. — Эта птица пробудет с тобой столько, сколько пожелаешь.

— Помни, девочка, взросление — это не только радость, это и грусть, — со вздохом сказала Атенасис. Но Ала не обратила никакого внимания на это мудрое изречение, которое уже много раз слышала из уст матери.

— Он взял семечко! — радостно воскликнула девочка. — Вы видели, он его склевал! Прямо с моего пальца!

— Думаю, голубь голоден, — заметил Конон. — Тебе нужно самой поить и кормить его, а когда он к тебе привыкнет, мы подрежем ему крылья, чтобы он не улетел, и ты сможешь вынимать его из клетки, когда захочешь.

— А как мне его назвать? — спросила Ала, и радость снова засветилась на ее лице.

— Я думаю, его следует назвать Солон, в честь мудреца Солона. Имя Алеция означает «правда», а правда должна всегда идти рука об руку с мудростью.

— Солон, Солон, — позвала Ала, тихонько при-
свиствув.

Солон склонил головку набок, как это делают голуби, и закурлыкал.

С этого дня кукла Горго была заброшена в дальний угол комнаты, а Солон всюду следовал за Алой, сидя у нее на плече. Кто был не в восторге от этого нового увлечения, так это Филис. Она постоянно ворчала, ведь Солон частенько пачкал Алино платье, но девочка только улыбалась в ответ на упреки. И не было на свете птички, о которой бы так заботились, которую бы так нежно ласкали, поглаживали по головке, с которой бы постоянно ворковали, ежеминутно меняли воду для купанья и добавляли свежих зерен. Ала даже научила Солона склевывать зернышки у нее с губ. На ночь она ставила клетку с Солоном подле своей кровати. Иногда девочке снилось, что ее любимый Солон уже отдан Артемиде. Но, просыпаясь, Ала успокаивала себя тем, что птичка будет принадлежать ей, пока она сама не захочет с ней расстаться. В самой глубине души, там, куда даже богиня не могла проникнуть, Ала была уверена, что никогда не расстанется с Солоном.

— Ведь я могу не расставаться с ним до тех пор, пока сама не захочу, а я никогда этого не захочу! — повторяла Ала про себя.

Сказать это было легко, но она уже предчувствовала, что однажды ей придется выдержать бой за своего любимца.

— Ты что, оглохла или дуешься на меня? — сердито сказала Юнис. — Что за манеру взяла — от-малчиваться.

Ала с удивлением подняла на нее глаза:

— Я тебя не слышала. Я думала!

После того как Ала посмотрела танец медведей и получила от отца в подарок Солона, она стала часто задумываться. И было о чем: жизнь так быстро менялась. Ведь чтобы танцевать танец медведей, надо быть жрицей. В долине Бравроны, недалеко от моря, стоит белый храм Артемиды, там хранится ее священное изваяние и ему служат маленькие жрицы, девочки, которых родители привозят сюда на целый год. Здесь они разучивают старинные молитвы, узнают, как плести венки и гирлянды для богини, моют священные сосуды и выполняют еще множество разнообразных поручений. Они подчиняются верховной жрице. Об этом рассказала ей Атенаис, мягко подводя дочку к мысли о том, что ей придется оставить родительский дом на целый год.

Так, значит, ей предстоит жить в храме Артемиды совсем одной, без Юнис, без Филис, без Калины, без мамы и отца! Даже Клейтоса там не будет, даже его! Последнее время Ала редко видела брата, он почти не появлялся на женской половине дома.

Глаза девочки наполнились слезами. Ала обвела глазами любимый дворик, как будто видела его

в последний раз. Да, она всегда знала, что, когда станет совсем-совсем взрослой, когда ей исполнится четырнадцать или пятнадцать лет, отец отдаст ее замуж. Этого она совсем не боялась, ведь это будет так не скоро, а она повзрослеет и будет чувствовать себя совсем по-иному. Но сейчас ей было только двенадцать и надо было покинуть любимый дом на целый год. Весь год провести в храме Артемиды! А когда она, наконец, вернется, вскоре придется расстаться с домом навсегда. Але казалось, что ее жестоко обманули. Ей хотелось жить привычной жизнью дома, но разве ей это позволят.

— Я совсем не хочу танцевать танец медведей, раз уж так, — захныкала девочка.

Атенаис обняла дочку:

— Ты можешь подождать целый год, если хочешь. Давай подождем?

Ала начала плакать из-за того, что надо было уехать из дому, но теперь, когда мама предложила ей остаться и на целый год отложить поездку в храм, она расплакалась еще сильнее. Ведь она лишилась настоящего приключения!

— Если бы тебе предстояло всю свою жизнь провести дома, как бедной Филис, то, конечно, было бы лучше вообще никуда не уезжать, — продолжала Атенаис, — но ты выйдешь замуж. Тебе придется жить с другими людьми, у тебя будут свои собственные рабы. И тебе будет гораздо легче, если ты сможешь немножко узнать жизнь вне нашего дома.

Ала кивнула в ответ и крепко прижалась к Атенаис. Как приятно, когда мама тебя обнимает, как

хорошо и уютно. Немного успокоившись, Ала подняла голову и спросила:

— Мам, а я смогу взять с собой Солона?

— Конечно, милая, Солон всюду будет с тобой, — ответила Аленаис.

После этого разговора было решено, что Алеция должна отправиться в храм, и Конон обо всем договорился. Однако предстояло преодолеть путь в двадцать миль, и это было ответственное путешествие. Конечно, если бы Конон сам мог отвезти дочь, все было бы очень просто. Они поехали бы верхом, отец посадил бы Алу на лошадь перед собой, а слуга на осле следовал бы за ними и вез Алины вещи. Так они довольно быстро добрались бы до Бравроны. Но случилось непредвиденное. Афинские граждане обвинили своих соседей из Тебана¹ в том, что те увели через границу стадо коз, принадлежащее афинянам. Были составлены петиции с требованиями вернуть украденное. Для того чтобы улаживать такие дела миром, Афины обычно посылали в соседнее государство самых уважаемых граждан. А кто же мог выполнить такое поручение лучше, чем прославленный олимпийский чемпион, о котором слышал каждый грек и чья репутация человека мудрого и опытного укреплялась с каждым днем.

Итак, Конон не мог сам проводить дочь в храм Артемиды, и тем не менее он не хотел, чтобы отъезд был отложен. А это означало, что девочке предсто-

¹ Т е б а н — крупный город в Древней Греции, который постоянно соперничал с Афинами.

яло ехать в такой повозке, которую женщины из благородных семей обычно использовали для своих редких поездок в поместья.

— Мне надо будет послать за кем-нибудь из нашей деревенской прислуги, — огорченно сказала Атенаис. — Сандас слишком стар и в дороге ничем помочь не сможет. Остальные уехали с хозяином, остался один Лидий. Придется тебе ехать, Юнис.

Юнис решительно кивнула в ответ. Ей совсем не улыбалось трястись двадцать миль по разбитой дороге в тряской повозке, но ничего не поделаешь. Хозяйка не должна путешествовать без мужа, а дочь хозяев может ехать куда-либо только в сопровождении достойной женщины. Филис еще слишком молода для подобного поручения, а на Калину никак нельзя положиться.

Итак, было решено, что поедет Юнис, но ее присутствие только добавляло хлопот. Если бы Конон ехал верхом, он успел бы обернуться в оба конца до темноты. Слуги-мужчины, сопровождающие повозку, могли бы переночевать под открытым небом. Но Юнис страдала от боли в суставах, и Атенаис прекрасно понимала, что ночевка на земле не пойдет ей на пользу. Друзья Конона жили как раз недалеко от храма Артемиды, но Атенаис не была с ними знакома, да и просьба о том, чтобы предоставить кров рабыне летом, конечно, показалась бы им смешной. Клейтос, с которым Атенаис посоветовалась, был в этом уверен.

— Значит, придется ехать тебе самому, — решила она. — Они с удовольствием предоставят кров

сыну своего друга, который путешествует со слугами.

Клейтосу эта идея очень понравилась. Ведь отец оставил дом на него, и теперь представился случай доказать, как хорошо он справляется со своими обязанностями. Но была еще и другая причина, не менее важная. В Афины прибыл известный математик, и Клейтос посещал его лекции, которые оказались гораздо труднее, чем он предполагал, и вот есть уважительная причина пропустить пару дней занятий и провести их в деревне.

Наконец все было готово, вещи собраны, и ранним утром, пока еще не начало припекать солнце, они отправились в путь. Клейтос ехал верхом на неоседланной лошади, которую ему подарил отец, поскольку мальчика вскоре должны были зачислить в кавалерию. В хвосте процессии брел сильный молодой слуга из деревни. В его обязанности входило подталкивать повозку в труднопроходимых местах, а в центре шел Лидий и вел под уздцы мула, тащившего повозку. По ее занавескам и пологу всем сразу становилось ясно, что путешествуют дамы из хорошего дома.

Но внутри повозки было тесно. Юнис с трудом разместилась на доске, служившей сиденьем, и пыталась устроиться поудобней между подушек, которые ей надавала Атенаис. Алеция все еще всхлипывала, пытаясь втиснуть клетку с Солоном между сундучком и стенкой повозки, в котором был весь ее нехитрый багаж: платье, теплый плащ, грубое шерстяное одеяло, булавки для волос, гребень, полированное бронзовое зеркало, подаренное Атенаис, набор ленточек, связанных Филис, красивое ожерелье из глиняных бусин, которые Калина раскрасила в яркие цвета, и, наконец, флакон с горьким лекарством, приготовленным Юнис. По ее мнению, это было незаменимое средство от всех болезней: и от простуды, и от кашля, и от боли в животе.

Занавески были не плотными, и Але удавалось в щелку увидеть улицы, по которым они проезжали. Юнис пообещала, что, как только они выедут из города, занавески можно будет совсем от-

крыть. Девочка постепенно успокаивалась, но, стоило вспомнить о маме, которая сейчас сидела за прялкой на любимом, пыльном дворике, и снова хотелось заплакать, но нельзя же было обливаться слезами всю дорогу. Тем более, что вокруг все время происходило что-то интересное. Вот сейчас их повозке загородил дорогу ослик, груженный вязанками хвороста, который везли на продажу. Вязанок было так много, что ослика почти не было видно и казалось, что это куча хвороста двигается на четырех ногах. Никто не хотел уступать дорогу, и между Клейтосом и крестьянином, который вел ослика на веревке, разгорелась ссора. Крестьянин не понимал, почему он должен пропускать этого богатенького мальчишку, путешествующего верхом. Вокруг стал собираться народ, привлеченный шумом, и возбуждение нарастало. Ала прикинула к щели между занавесками и наблюдала за тем, как разворачиваются события. В конце концов Клейтос, который чувствовал, что отвечает за безопасность женщин, решил отступить и дал знак слуге, чтобы повозку отвели назад. Крестьянин с осликом и сочувствующая ему толпа не замедлили выразить свой восторг громкими криками.

Наконец повозка выехала из города, и через открытые занавески Ала могла любоваться зелено-серыми оливковыми рощами и виноградниками, где зрели тяжелые гроздья винограда. В это время года полевых работ было мало, но то здесь, то там встречались крестьяне, направляющиеся в город верхом на осликах, которые все норовили остановиться и пощипать травку. Когда день стал кло-

ниться к вечеру, навстречу стали попадаться крестьяне, везущие домой вязанки хвороста и соломы на растопку. Впереди высилась гора Химеттос, пурпурная от покрывающего ее вереска, на которой то здесь, то там мелькали пчелиные ульи, ведь эта гора славилась тем, что здесь собирали прекрасный мед. Чайки с криками проносились над повозкой, а в вышине кругами лениво парил орел, который отсюда казался совсем маленьким. Ала постоянно приставала с расспросами к Лидию, а Юнис вцепилась в дверцу повозки, вздрагивая всякий раз, когда повозка подскакивала на ухабах.

Для Юнис это путешествие стало настоящей мукой, и Клейтос вполне разделял ее недовольство. Правда, совсем по другой причине. Он потерял кучу времени, чтобы провести неуклюжую повозку по афинским улицам, а теперь, когда они выехали из города, приходилось двигаться с черепашьей скоростью, чтобы ублажить Юнис. Но сейчас они еще ехали по хорошей, наезженной дороге, а что будет, когда они отъедут далеко от города и будут огибать гору, где дорога гораздо хуже да еще то поднимается круто вверх, то спускается вниз. Клейтос велел Лидию поворачиваться быстрее, но тот только проворчал в ответ, что если им придется еще и повозку чинить, то они и вовсе здесь застрянут.

Так они и продвигались по равнине, дорога петляла между крестьянскими домами, огибала священные оливковые рощи, пересекала пустоши, заросшие кустами можжевельника, слишком колючими даже для пасущихся коз. Местность вокруг

становилась все более холмистой. Повозка то подсакивала на кочке, то ныряла в ложбину, и слуге приходилось то толкать ее вперед, то расчищать дорогу от камней, пока все остальные томились в ожидании.

На отдых путешественники остановились в долине, лежащей между горой Химеттос и морем, откуда хорошо была видна голубая гладь моря и поросшая лесом вершина Эгины. С собой в дорогу Юнис вместо вина взяла ячменный отвар, поскольку считала, что он лучше утоляет жажду в сильную жару. Отдохнув, они повернули в сторону от моря, к Бравроне, которая находилась на противоположном берегу залива.

Теперь дела наших путешественников пошли лучше. Они обогнули гору Химеттос, и местность стала ровнее. Уже наступил полдень, а им еще оставалось проехать несколько миль. Правда, Лидий сказал, что около реки дорога будет еще лучше.

Пока Юнис старалась не терять бодрости духа, Ала с интересом наблюдала за охотниками на крутом склоне холма. Их собаки, заливаясь диким лаем, гнали зайца, который метался из стороны в сторону, а охотники, вооруженные дубинками, пытались загнать его в сеть, протянутую через заросли. Девочка настолько увлеклась зрелищем, что не заметила, как Лидий, выругавшись в сердцах, резко остановил мула.

Дорога в этом месте проходила между пересохшим руслом реки и огороженными крестьянскими усадьбами. Вода в русле появлялась только на несколько дней после дождя. Один из хозяев, види-

мо отличавшийся неумемной жадностью, решил передвинуть свою каменную ограду прямо к берегу, а бывшую дорогу засадил капустой.

Лидий спустился в сухое русло, чтобы разведать путь. Пешие путники и ослы уже протоптали тут тропу, и попадавшиеся на пути камни были сложены по обе ее стороны. Для повозки худшей дороги трудно было представить.

— Тут придется потрудиться, — проворчал Лидий и принялся разбирать камни, которые речной поток навалил один на другой.

Клейтос в это время наблюдал за охотой с таким же интересом, как и его младшая сестра. Он даже встал на подножку повозки, чтобы лучше видеть, что происходит. Тем временем охотники, после громких криков и суеты, потеряли зайца из виду.

— Они сейчас попробуют зайти с этой стороны, — заметил Клейтос, — и, если нам повезет, мы поедем прямо рядом с ними. Я хочу посмотреть, как они его убьют.

— О нет! — воскликнула Ала.

Но Клейтос только ухмыльнулся в ответ:

— Ну вот, смотри! Я же тебе говорил! Они снова его нашли.

— Хозяин, тут совсем недалеко, — прервал Клейтос вернувшийся с берега Лидий. — Мы сможем протащить здесь повозку, но маленькой хозяйке и Юнис лучше пойти пешком.

Ала с радостью спрыгнула на землю и вытащила клетку, в которой сидел нахохлившийся Солон. Ему эта тряска совсем не нравилась. Юнис вообще отка-

залась сдвинуться с места, жалуясь на боль в ноге. Кроме того, она заявила, что ее долг — следить за тем, чтобы сундучок хозяйки благополучно привезли в храм и чтобы он не развалился по дороге.

— Смотрите! — закричал Клейтос. — Вон он! Опять от них убежал!

Охотники с собаками стремительно спускались по склону вниз к зарослям, которые тянулись вдоль русла.

— Лучше возьмите лошадь под уздцы, хозяин, — проворчал Лидий, и Клейтос спрыгнул на землю, вспомнив о своих обязанностях.

Лидий повел раскачивающуюся из стороны в сторону повозку вниз по берегу. Юнис храбро сражалась с сундуком. Работник, тяжело дыша, помогал Лидию, придерживая повозку сзади.

Продвигаться вверх по руслу было трудно, но, к счастью, повозка оказалась прочной. Поднялся ужасный шум. Лидий либо кричал на мула, либо пытался объяснить своим спутникам, что плохая дорога скоро кончится. Клейтос спускался вниз по берегу, ведя на поводу лошадь и давая указания слугам. Юнис, стоило ей немного перевести дыхание, тоже начинала учить слуг, как им лучше вести повозку. Бедный слуга, которому надо было одновременно выполнять требования троих человек, недовольно ворчал. Когда ему удавалось выпрямиться, он смотрел на мула и предостерегающе качал головой.

В это время повозка въехала на край большого камня, который так глубоко врос в землю, что сдвинуть его с места оказалось невозможно. Лидий гром-

ко ругал мула и колотил его палкой. Собаки лаяли в зарослях. В долине было шумно, как на афинской улице.

— Смотрите, — закричала Ала, — заяц!

И правда, из зарослей выскочил заяц, а вслед за ним и надрывающиеся от лая собаки. Заяц пронесся вниз по берегу, прыгнул в сухое русло, на мгновение остановился, посмотрел на стену на противоположном берегу и помчался вверх по руслу. Но там ему преградил путь один из охотников, а собаки, воспользовавшись минутной заминкой, уже настигали его сзади. Тогда заяц в отчаянной попытке бросился в обратном направлении, под ноги мула, проскочил под коляской и стремительно понесся дальше. Собаки бежали за ним следом.

Мул пришел в бешенство. Мало того что он тащил тяжелую повозку по каменистой дороге, а вместо благодарности Лидий осыпал его побоями, так еще этот заяц бросился в ноги. А теперь еще и собаки! Нет, это было уже слишком.

Мул низко нагнул голову и рванул вперед.

Раздался сильный треск.

— Прыгай! — закричал Лидий и сам отскочил в сторону.

Повозка снова затрещала, Юнис громко вскрикнула.

Путы на ногах мула задержали его, и он завалился на бок, сломав оглоблю. Юнис вместе с хозяйским сундучком вывалилась из повозки. Работник подбежал к мулу и уселся ему на голову. Это утихомирило взбешенное животное, и Лидий смог освободить его ноги от пут.

И заяц, и преследовавшие его собаки были уже далеко. Охотники бежали за ними следом, и только один из них остановился выяснить, что произошло. При виде Алы, склонившейся над стонущей Юнис, молодой человек только присвистнул. Клейтос был занят лошадью, Лидий вместе с работником возились с мулом, и помощи от них ждать не приходилось.

— Вы, наверное, едете в храм? — спросил молодой человек.

Клейтос хмуро посмотрел на незнакомца. Он не считал, что виноват в происшедшем, но чувствовал себя в дурацком положении. Ведь его обязанностью было оберегать сестру от внимания посторонних.

— Верхом на лошади я доберусь туда за час, — ответил он холодно, даже не упомянув про Алецию, — и, пока я буду ездить, слуги починят повозку.

— Клейтос, — позвала его Ала, — Клейтос, Юнис плохо.

— Успокойся, — рявкнул Клейтос, возмущенный тем, что сестра посмела вступить в разговор. — Лидий, ты присмотришь за Юнис.

— У нее с коленом беда, хозяин, — Лидий сокрушенно покачал головой, — ее придется нести вдвоем. А надо и за мулом присмотреть.

Клейтос взглянул на мула. Он был уже на ногах, но продолжал в бешенстве поводить красными дикими глазами. Юнис ни за что не согласится ехать у него на спине.

— Ладно, Лидий, придумай сам что-нибудь, — неуверенно ответил Клейтос. — Вставай, Ала, нам пора ехать.

Мальчик пытался подражать отцу, но это у него плохо получалось. Ала совсем его не боялась.

— Это же Юнис. — Девочка готова была настаивать на своем. — Клейтос, я никуда не поеду, пока Юнис в беде.

Незнакомец с улыбкой наблюдал их перепалку. Он был на несколько лет старше Клейтоса, немного плотнее его, и, конечно, он был не так красив, но улыбка у него была приятная.

— У меня тоже есть старая няня, — мягко сказал он, — так что мы могли бы отвезти Юнис на моей лошади к нам на ферму. Моя мать живет в

Афинах, но у нашего арендатора есть жена и служанки. Я думаю, они смогут помочь ей.

Все это было сказано очень вежливо и серьезно, но глаза у юноши весело поблескивали. Клейтос напыщенно поблагодарил его и представился:

— Я — Клейтос, сын Конона.

— Я так и подумал. Есть сходство, — ответил молодой человек, беззастенчиво разглядывая Алу, которая действительно была очень похожа на отца. — А я — Николаос, сын Никандра.

Клейтос почувствовал огромное облегчение. Он не раз видел Никандра, это был уважаемый человек, и знакомство с его сыном не могло вызвать никаких возражений. Стонушую Юнис благополучно разместили на лошади Николаоса, которую осторожно повел Лидий. Сзади следовал работник с мулом, нагруженным перевязанным веревками сундучком Алы. Молодые люди шли рядом, причем Клейтос занял место между Алецией и Николаосом.

Ала совершенно не смущалась. Она была уверена, что отец не осудит их с братом, раз Юнис так страдала. А как приятно было слушать рассказы Николаоса о том, как у них в имении выращивают оливковые деревья, какая там хорошая глина и из нее делают посуду. Его отец купил в известной мастерской раба-художника, и теперь лучшее оливковое масло из их имения продавалось в красивых глиняных сосудах. Масло доставляли в порт Пирей на маленьком каботажном судне, а там грузили на борт большого торгового корабля. Благосостояние семьи Николаоса строилось на торговле, и его отец

обычно проводил лето в имении. Но в этом году пришла его очередь управлять военным кораблем и вместо него в имение поехал Николаос, которому предстояло оставаться там, пока не закончится сбор урожая.

— Я уже окончил военную службу, — объяснил он.

Ала слушала очень внимательно, даже не подозревая, что все сказанное Николаосом было предназначено скорее для нее, чем для брата. Сестер у Николаоса не было, отец собирался вскоре его женить, и ему хотелось узнать побольше о девушках из благородных семей. Он вовсе не был уверен в том, что намерение отца ему по душе, но сейчас, наблюдая за девочкой, которая не сводила глаз с брата и ловила каждую его улыбку, подумал, что это, пожалуй, было бы не так уж плохо.

Але ничего подобного и в голову не приходило, но ей нравилось слушать умный мужской разговор, и она радовалась тому, что ее брат так много знает и об оливковом масле, и о гончарном деле, и о торговле. Она думала о том, что жена арендатора поможет Юнис, и втайне надеялась, что они переночуют в доме Николаоса. Торговля была в те времена чисто мужским занятием, а вот лечение болезней — женским. Ала понимала, что она точно так же несет ответственность за Юнис, как и ее старая няня отвечает за нее. Атенаис не уставала повторять дочери, что хорошая хозяйка всегда заботится о своих рабах.

— Вы могли бы остановиться у нас, — сказал Николаос Клейтосу, — вы никого не стесните. В

доме есть слуги, и женская половина достаточно большая.

Казалось, Николаос прочел мысли девочки, и она, позабыв о том, что он — просто незнакомец, с которым ей не полагается вступать в разговор, импульсивно ответила:

— Я останусь с Юнис, пока ей не станет лучше!

Клейтос покраснел до корней волос, но решил, что лучше сейчас не спорить с сестрой, а Николаос улыбнулся в ответ.

— Вы можете оставаться у нас столько, сколько захотите, — приветливо сказал он, глядя в глаза девочке, — и ваша красивая птичка тоже.

ХРАМ

Алеция осталась одна и огляделась по сторонам. Жрица, которая привела ее в комнату, сразу ушла, сославшись на свои обязанности, и сказала, что вскоре за девочкой кто-нибудь зайдет. Может быть, в такой момент следовало немного поплакать, но почему-то Ала улыбалась, вспоминая, как посмотрел на нее Николаос, когда жрица велела ей попрощаться с братьями. Один только Клейтос чувствовал себя не в своей тарелке. Николаос предложил отвезти его в кавалерийский полк, где еще недавно служил он сам и где предстояло служить Клейтосу. От такого предложения отказаться было невозможно. Клейтосу хотелось поскорей познакомиться со своими будущими товарищами и пришлось согласиться с тем, чтобы Николаос проводил их до храма, тем более что жена арендатора должна была ехать в повозке вместе с Алецией.

Из-за ошибки жрицы молодые люди почувствовали себя неловко, и прощание было скомкано. Николаос успел успокоить Алу насчет Юнис: ее

повезут домой на носилках, закрепленных между двумя лошадьми, и не причинят ей никакого вреда. И прежде, чем Клейтос успел ему помешать, Николаос подмигнул Але и шепнул ей на ухо, указывая на жрицу: «Посмотри, прямо лошадиная морда!» Пожилая жрица и в самом деле не отличалась красотой. У нее было длинное, мрачное лицо, крупные выступающие зубы и впалые виски. Ала с трудом удержалась от того, чтобы не захихикать.

Ну а потом, когда все уехали, плакать было уже поздно. Кроме того, Ала боялась, что девочки будут ее дразнить, если заметят, что у нее глаза покраснели от слез. Надо было чем-то заняться, и Ала поставила свой сундучок рядом с остальными. Она хотела выпустить Солона из клетки, но побоялась: комната была такой чистой, а голубь мог напачкать.

Девочка присела на край кровати, устроенной из белого камня, заделанного в пол. Основание было перетянуто кожаными полосами, на которых лежал матрас, набитый сухим тростником, издававшим приятный запах. Ала поставила клетку с Солоном на колени, положила на нее руки и поглядела по сторонам. По стенам комнаты выстроились одиннадцать кроватей, все одного размера, рассчитанного на девочек Алиного возраста. Около каждой кровати стоял столик. В дальнем конце комнаты выстроились в ряд сундучки. В стены были вделаны крючки, на которых висели самые разнообразные вещи. В нише стояла маленькая глиняная лампа. Был тут и умывальник на подставке, и кувшин. Ала захотела попить, но воды не оказалось.

В этой белой комнате не было окон, но широкий дверной проем выходил во двор, к нему с одной стороны примыкал храм, а с другой — колоннада. Посередине двора росло красивое развесистое дерево, в тени которого девочки обычно работали. Здесь стояли табуретки, незаконченные корзиночки из тростника, мотки шерсти и прялки. Ала взяла клетку с Солоном и вышла из комнаты.

Вокруг не было ни души, но двор, по крайней мере, казался обжитым. Здесь, в тенистом уголке, Ала обнаружила зарытые в землю сосуды для воды и небольшой ковшик. Рядом стояли ручная мельница для муки, горшки и кувшины, жаровня для готовки, тут же был вход в кладовую, где хранились продукты, а по стенам были развешаны луковицы в связках.

Ала не стала туда заходить, опасаясь, что ее не похвалят за любопытство. Она поспешила вернуться назад, но, когда вошла в комнату, поняла, что попала не туда. Тут стояли точно такие же одиннадцать кроватей, столы и сундучки, но ее вещей не было. Сердце девочки замерло от страха, она на цыпочках вышла из комнаты и заглянула в следующую. Это была ее комната, и девочка уселась на свою кровать, сердце ее отчаянно билось от страха.

По-прежнему никто не появлялся. Ала решила отправиться на разведку. Еще когда жрица ввела девочку во двор, она заметила, что одна колоннада, ограничивавшая двор, переходила в другую, маленькую, расположенную позади здания. Туда она и направилась, но там тоже никого не было. Судя по всему, это место предназначалось для даров, которые приносили в храм. Чего здесь только не было, даже женские платья и украшения. Ала прошла вдоль колонн, но опять никого не встретила. Она вышла во двор с другой стороны, завернула за угол и в страхе отскочила в сторону. Перед ней стояла девочка с кроликом на руках и смотрела прямо на нее.

— Ой, я просто искала кого-нибудь, — испуганно пробормотала Ала и сконфуженно замолчала.

В полумраке колоннады она не сразу разглядела, что перед ней — мраморная статуя. Сзади кто-то захихикал. Ала обернулась. В дверном проеме стояла еще одна девочка с кроликом на руках, только эта была уже настоящая. У нее были каштановые волосы с рыжеватым оттенком, ярко-голубые глаза, а кролик на руках — коричневый с розовыми ушками. Он шевелил усами, поглядывая на Алу.

— Ты это сделала! Я так и знала, что сделаешь! — торжествующе заявила незнакомка. — Ты говорила со статуей, я так и знала, что ты с ней заговоришь!

Ала покраснела до корней волос. Она не привыкла, чтобы над ней смеялись. Надо было что-то делать. И она сделала. Ала засунула пальцы в рот и растянула его в стороны, высунув язык. Получилось эффектно, ведь она еще дома, перед зеркалом, упорно тренировалась строить рожи.

— Я видела тебя на танце медведей, — сказала она, немного успокоившись.

Девочка кивнула:

— Я тебя помню. Ты — Алеция, дочь Конона. А я — Агариста, дочь Евдоксоса. Твой отец — олимпийский чемпион, а мама — очень строгая. А мой отец ужасно богатый, а мама — красавица.

— О-о-о, — протянула Ала в ответ, не зная толком, что делать с потоком свалившейся на нее информации.

— Отец увидел мою мать, когда она несла корзину с цветами в процессии в честь Афины, и по-

просил своего отца сосватать ее. Это была хорошая партия.

— А моя мама делала платье для Афины, — гордо заявила Ала.

Агариста не обратила на эти слова ни малейшего внимания.

— Я тоже сделаю хорошую партию, — заявила она уверенно. — Правда, я не такая красавица, как моя мать, зато приданое у меня больше.

В этом Ала уже совсем ничего не понимала, и она поспешила перевести разговор на более знакомую тему.

— Можно я поглажу твоего кролика? — спросила она. — Как его зовут?

— Его зовут Геракл, — ответила Агариста и добавила, понизив голос: — Но я называю его Усатик. Посмотри только, как он шевелит своими ушками!

Кролик в самом деле шевелил усами, но Алецию потрясло другое. Она привыкла к тому, что имя дается живому существу один раз и навсегда. Так было принято, так ей всегда говорили. Сменить имя — это все равно, что отрезать кролику нос и приставить другой. Девочка погладила мягкий мех кролика, и он прижал ушки к спине.

— Это твоя птичка? Почему ты не выпускаешь ее из клетки? У Теодоры тоже голубь, но она скоро поедет домой. Она танцевала в прошлом году. У Миро и Мелинно — кролики, но совсем маленькие, меньше моего Усатика. Терпеть не могу этих девчонок — Миро и Мелинно. Вечно ходят под ручку и секретничают. Они называют друг друга — два «М». А мы с тобой будем теперь два «А».

На этот раз Ала точно знала, что нужно ответить.

— Да, конечно да!

И месяца не прошло, как воспоминания об отцовском доме стали блекнуть в воображении Алеции. Разумеется, она по-прежнему любила свой дом, но прежняя жизнь была так не похожа на жизнь в храме, и казалось даже, что в доме Конона жила совсем другая девочка. Разве могла Ала раньше хотя бы подумать о том, что будет собирать пауков, чтобы подложить их в постели Миро и Мелинно, или, хихикая, кататься по кровати, слушая, как Мелинно вопит от страха.

— Интересно, почему Миро не заметила пауков? — спрашивала Ала у подруги на следующее утро, не испытывая ни малейших угрызений совести. — Может быть, она просто раздавила их, когда каталась по постели, и не заметила?

— Нет, она не каталась, я видела, — покачала головой Агариста.

— О чем это вы там шепчетесь? — сердито проворчала Миро.

Ала и Агариста переглянулись.

— У нас свои секреты! — ответили они и захихикали.

Жрица, в чьи обязанности входило воспитание девочек, была рассеянной, мечтательной женщиной и не особенно интересовалась, чем занимаются ее подопечные, если они хорошо выполняют свои обязанности в храме. Когда она посылала девочек собирать цветы для храма, то совсем не возражала, если они задерживались дольше, чем полагалось, но зато внимательно следила за тем, чтобы они

взяли с собой только кремневые ножи: на алтарь богини нельзя было класть предметы, которые разрезали металлическим ножом. Если девочки тихо вели себя в храме, то она не обращала ни малейшего внимания на то, что они с криками носились по двору. Если девочки прилежно разучивали древние молитвы и песнопения, то никто их не ругал за то, что они забросили свои прялки.

И маленькие служанки богини не подводили свою воспитательницу. У нее не было с ними никаких хлопот, когда речь шла о выполнении священных обязанностей. Девочки прибирали в храме, мыли священные сосуды, складывали на алтарь веточки и разводили небольшой огонь, в котором сгорали остатки пищи, вина и масла. Они содержали в чистоте и свои спальни, и комнаты для паломников. В храме они читали молитвы и сопровождали верховную жрицу при ежедневных жертвоприношениях богине. Они пели гимны богине, некоторые из которых были настолько древними, а слова настолько туманными, что девочкам приходилось спрашивать свою воспитательницу о том, что они означали.

Службы в храме всегда проходили торжественно, с соблюдением всех священных ритуалов. Изваяние богини внушало девочкам страх, и им в голову не приходило шептаться или хихикать.

Священное изваяние было вырезано из черного дерева и даже в полумраке святилища блестело масляным блеском. По форме оно напоминало ствол дерева, спереди на нем было вырезано удлиненное лицо, плоское и безволосое, с глазами в виде двух

красных камней, с длинным узким носом, огромной верхней губой и тонким ртом, растянутым в странной улыбке. Тело было лишь намечено несколькими линиями на округлом дереве. Маленькие руки были сложены на груди, а ножки подтянуты к животу, и казалось, что богиня сидит на корточках.

Когда Ала заходила в святилище, чтобы подмести пол или разбрызгать холодную воду, она не могла не взглянуть на изваяние, а изваяние отвечало ей злобной улыбкой. У девочки мурашки начинали бегать по коже, может быть, из-за того, что в святилище всегда сохранялась прохлада, а может быть, из-за того, что богиня, казалось, вспоминала о тех далеких кровавых временах, когда верховной жрицей была Ифигения.

Присутствие древнего изваяния в храме отбрасывало легкую тень на все, что там происходило, но ритуалы поклонения лунной богине Артемиде были красивыми и трогательными. В храм приходили деревенские жители со своими скромными и простыми дарами и читали молитвы. Жрицы соблюдали в храме древние ритуалы и пели священные песнопения. Но главный ритуал поклонения богине совершался в душе каждой жрицы. Наставницы говорили девочкам, что это и была священная Тайна, известная только богине и самой жрице. Эту Тайну невозможно было понять, ее надо было прочувствовать, потому что боги общаются с простыми смертными, обращаясь не к их разуму, а к душе.

Частью этой Тайны был танец медведей. Каждый месяц девочки разучивали новые движения и танце-

вали перед храмом в честь своей богини. Каждое па имело свое священное значение, ведь, танцуя, девочки обращались к Артемиде. Но танец одной танцовщицы обретал смысл только тогда, когда вплетался в общий рисунок. Только танцуя вместе, они могли обратиться к богине и получить от нее ответ на языке чувств.

Солон также был частью этой Тайны. У каждой девочки в храме был свой зверек или птичка, белка, скворец, кролик или голубь. Казалось, богиня с большей охотой беседовала с животными, нежели с людьми. Вот, например, Солон, который всегда сопровождал Алу, иногда вдруг склонял голову набок, потом взлетал на ветку высокого дерева и сидел там, воркуя. Ала знала, что в эти мгновения он разговаривает с богиней, но обычно, сидя на плече у девочки, он ворковал что-то ей на ушко. Казалось, птица соединяла бога с человеком.

Возможно, деревенские жители чувствовали, в чем заключается самая суть Тайны. Частенько они приходили в храм со своими простыми дарами, приходили не в праздники, не в торжественных процессиях, а по одному или семьей, когда им нужна была помощь богини. Крестьянин мог привести в храм свою беременную жену и ожидающую приплода ослицу, чтобы попросить у Артемиды помощи в благополучном разрешении от бремени для обеих. А чтобы богиня не спутала его с другими просителями, он, стоя перед алтарем, нашептывал ей о своих бедах, с которыми приходил к ней в прошлый раз, и рассказывал о своих надеждах на будущее. К богине приходили женщины, у которых умерли дети, чтобы

излить свою тоску и отчаяние. Проходило время, и многие из них возвращались поблагодарить богиню, если следующие роды заканчивались благополучно.

Как много детей умирало совсем маленькими, как много боли и невзгод приходилось переносить людям. Алеция поражалась жестокости богини, и слезы часто наворачивались у нее на глаза при воспоминаниях о трагедиях, о которых она слышала в храме. Правда, когда женщины, потерявшие одного ребенка, возвращались в храм после следующих, благополучных родов, казалось, они уже не помнили о своих недавних страданиях, а их радость была еще сильнее, и они обращались к Артемиде как к своей лучшей подруге и благодетельнице.

Когда второй месяц пребывания Алеции в храме подходил к концу, из Афин приехал Лидий и привез посылку из дома. Там было второе одеяло, ведь ночи становились все холоднее, красивая шкатулка из слоновой кости с изображением танцующего медведя на крышке, связка ленточек от Филис, медовые коврижки, испеченные Юнис, и, конечно, письмо, и вот о чем там говорилось:

«Конон отправился в Дельфы, чтобы спросить совета у Оракула¹. Он взял с собой Клейтоса. Юнис ходит с палочкой, но чувствует себя хорошо. Филис разбила большой сосуд с изображением сатира. Помни, женщины больше ценят в жизни то, ради чего им пришлось перенести страдания. Написано Калиной. Прощай».

¹ Прежде чем принять важное решение, греки в древности отправлялись в Дельфы посоветоваться с Оракулом.

Письмо было чудесным, и Ала снова и снова перечитывала его, особенно то изречение, которое просила ее запомнить Калина. Однажды она даже показала его Агаристе.

— Так, значит, ты умеешь читать! — Агариста от удивления широко раскрыла голубые глаза.

— Меня научила Калина. Этого хотела моя мама.

— А моя мама говорит, — возразила Агариста, засовывая в рот кусочек медовой коврижки, — что ничего нет хорошего, если женщина учится тому, что должны знать только мужчины!

— Да-а? А что твоя мама вообще делает? — сердито спросила Алеция. Она уже узнала от подруги, что ее мать не любит ни прясть, ни ткать, ведь от этого руки становятся некрасивыми.

— Мама делает лекарства. Она готовит их из разных трав, произносит заклинания, ну и всякое такое... а еще она готовит туалетную воду и притирания, чтобы кожа была нежной и красивой. Однажды мама даже приготовила любовный напиток. Она запретила мне его трогать, но я, конечно, попробовала.

— И что же случилось потом? — ужаснулась Ала.

— Да ничего. Он был таким противным, что я его тут же выплюнула.

— О-о-о...

— Понимаешь, я думала, что если выпью его, то влюблюсь в Манона, — важно заявила Агариста, — он такой красавчик.

— А кто это — Манон? — Ала была поражена до глубины души, ведь она сама еще ни разу не была влюблена.

— Это слуга моего отца. Он играет на флейте, когда приходят гости. И иногда танцует.

— Так он — раб? Нет, не может быть... ты хотела влюбиться в раба?

— А почему бы и нет? Это был бы первый опыт, знаешь, никогда не помешает. — Агариста попыталась изобразить улыбку многоопытной женщины, но не выдержала и захихикала.

— О-о-о, — только и могла произнести Ала, пытаясь осмыслить услышанное.

Агариста тем временем засунула в рот следующий кусок коврижки, любовная тема ее больше не интересовала.

Пришла зима, а вместе с ней — проливные дожди. Двор перед храмом превратился в море грязи. На улице уже ничего нельзя было оставить. Девочки целыми днями не снимали плащей и постоянно старались согреть заоченевшие ладошки и промокшие ноги у маленькой жаровни. Солон нахохлившись сидел в своей клетке и выглядел совсем несчастным. Эта грязь и холод ему явно не нравились.

Когда жрица произносила нескончаемые молитвы у алтаря Артемиды, у нее изо рта выходил пар. Танец медведей в полнолуние не танцевали, потому что шел проливной дождь. По целым дням небо было затянуто плотным слоем облаков. Из деревни почти никто не приходил. Дороги развезло, да и трудно было крестьянину в это время года выделить из своих запасов что-нибудь съестное для жертвоприношения богине.

Длинный нос у жрицы, которая присматривала за девочками, казалось, стал еще длиннее и покрас-

нел, а на конце постоянно висела капля. У Агаристы заболело горло. Вот когда и пригодилось снадобье Юнис.

— Оно должно тебе помочь, — настаивала Ала, — ведь оно такое горькое!

Агариста покачала головой:

— Но у меня горло как болело, так и болит.

— А если бы ты не приняла лекарства, было бы еще хуже!

— А может быть, и лучше! Вот я не буду его больше пить, и посмотрим, лучше мне будет или хуже! — сердито ответила Агариста.

— Ну и ладно...

— Ох, как мне домой хочется.

Ала ничего не ответила подруге и, уронив голову на руки, горько заплакала. А когда Агариста спросила, хочет ли девочка вернуться домой, она горестно покачала головой.

— Нет, просто я вспомнила кое о чем... о чем я не хочу думать... только не сейчас... — И она снова начала всхлипывать.

Но пришла весна, а вместе с ней тепло и яркий солнечный свет. У девочек появились новые маски для танца медведей. Они лихо отбивали ногами новые па, опережая мелодию труб. Весной в честь богини исполнялись новые гимны. В храм приходили пастухи с ягнятами и козлятами из первого приплода, а на алтаре вместо вина и масла появилась кровь жертвенных животных, но и ее поглощало пламя, только теперь к небу поднимался не легкий прозрачный дымок, а столб плотного тяжелого дыма. Довольные пастухи, насвистывая,

возвращались домой и оставляли часть мяса для храма.

— Не люблю, когда убивают, — сказала Ала Агаристе.

— Никто не любит, — Агариста пожала плечами, — но иначе откуда бы появилось мясо, которое мы едим?

— А вот верховной жрице нравится убивать. Я за ней следила!

— Так то верховная жрица. Ей так положено!

Весна была в разгаре. На полях расцвели алые анемоны.

Агаристе не терпелось опробовать какой-нибудь магический обряд, ведь волшебство окружало девочек в храме со всех сторон. Магия заключалась в словах древних молитв, которые они произносили перед алтарем богини, магическим светом горела золотая корона верховной жрицы, которая когда-то принадлежала самой Ифигении. В храме на пьедестале была установлена волшебная раскрашенная птица: если повернуть специальное колесо, птица взмахнет крыльями и запоеет. Но это волшебство не казалось слишком таинственным и возвышенным, оно только разжигало у девочек страсть к заклинаниям. У каждой девочки была своя коллекция камешков-амулетов, кусочков змеиной кожи, перышек орла, сушеных волшебных корешков, которые полагалось выкапывать и разрезать кремневыми ножами в полнолуние. Взамен за эти сокровища женщины из деревни приносили сладости, но каждая девочка обязательно оставляла несколько самых ценных амулетов для себя.

Теперь девочки знали множество разнообразных заклинаний. Они знали, какие волшебные слова надо произносить, как только проснешься, чтобы день прошел удачно. Они знали, какие птицы приносят счастье, если пролетают по правую руку. Они выучили любовные заговоры, иногда очень грубые и откровенные, которыми с ними поделились деревенские женщины. Агариста по секрету узнала, как увидеть своего суженого. В день равноденствия девушка должна встать под кустом боярышника так, чтобы у нее одна нога стояла в воде, а другая на земле, в руках ей надо держать какое-нибудь живое существо, зверька или птицу, а на голове у нее должен лежать какой-нибудь неодушевленный предмет. Если девушка произнесет волшебные слова и посмотрит в воду, то увидит там лицо своего будущего супруга.

— Я знаю, где растет боярышник, — заявила Агариста, — это за рекой, у того камня, где мы стираем.

— Но это уже за пределами храмовой земли. Любая девчонка в Бравроне может туда пойти, — возразила Ала.

— А вот и не любая, — торжествующе парировала Агариста, — заклинание-то секретное. Знаешь, что я отдала, чтобы его узнать? Мои зеленые бусы.

Это был серьезный довод. Бусы Агаристы стояли ее отцу кучу денег и вызывали зависть всех девочек в храме. Их привезли из далекого Египта, и каждая бирюзовая бусина была покрыта тонкой резьбой. Но Агаристу совсем не огорчало то, что

пришлось с ними расстаться. Она беззаботно потрянула волосами:

— Когда выйду замуж, папа подарит мне еще одно!

Ала согласилась только из-за бус. Ей совсем не хотелось заниматься таким колдовством, и на это у нее были свои тайные причины. Это было то, о чем она не хотела задумываться, во всяком случае не раньше, чем она станцует танец медведей. Но теперь это стояло между ней и Агаристой все время, даже когда они хихикали, обсуждая, как им тайком ускользнуть из храма. Это было как ноющий зуб, по которому все время хочется про-

водить языком. Однажды она не выдержала и спросила подругу о том, что ее волновало сейчас больше всего.

— Агариста, почему ты хочешь выйти замуж?

— Каждая девочка хочет выйти замуж, а мне уже скоро четырнадцать, — с недоумением ответила Агариста.

— Ты думаешь, тебе это понравится?

Агариста в этом ничуть не сомневалась.

— Мне будет весело, у меня будет много красивой одежды и украшений, а мама отдаст мне мою старую няню, и та будет вести хозяйство. У меня будут дети, как у этих женщин из деревни, только мои будут красивее. И я думаю, что полюблю своего мужа, ведь мой отец — умный и добрый, он любит меня и выберет мне хорошего мужа. А ты разве не хочешь замуж?

— Я не знаю, — ответила Ала и густо покраснела.

— Ты что, совсем не собираешься выходить замуж? — Агариста удивленно уставилась на подругу. — Совсем никогда?

— Дурочка, конечно, собираюсь!

Агариста решила, что подруга просто испугалась происков Гекаты¹. Ведь богиня могла подослать ка-

¹ Г е к а т а — богиня мрака, ночных видений и чародейства. Это страшная ночная богиня, она появляется перед смертными с пылающим факелом в руках и змеями в волосах. Это богиня колдовства, к ее помощи прибегали в древности покинутые влюбленные, вызывая ее магическими заклинаниями. Эта богиня, как и все боги Древней Эллады, не отличалась ровным характером. Она могла помочь, но могла рассердиться и сыграть с просителем злую шутку. Геката тоже была охотницей, как и Артемиды, только она охотилась по ночам. (Примеч. пер.)

кое-нибудь безобразное существо, чтобы оно выглянуло из-за плеча девочки, и тогда той придется выйти замуж за уродца. Но Ала уверила подругу, что дело совсем не в этом, и попросила ее прибрать вместо нее в святилище богини, не объяснив почему.

И вот настал день, которого они обе с тревогой ждали. Обе девочки были напуганы, да это и неудивительно. Им нужно было выйти за пределы храмовой земли и перейти по камням холодную быструю речку, которая еще не вошла в свои берега после половодья. Ала держала в руках Солона, а на голову надела бусы, присланные Калиной. Девочка дрожала от холода и страха, и Солон тоже приуныл и пытался улететь.

— Скорей, скорей, — поторапливала она подругу, — нас могут увидеть!

Становилось все светлее, и белые платья девочек можно было заметить издалека, а о том, что случится, если их застанут за пределами храмовых земель, было страшно даже подумать.

Первой начала читать заклинание Агариста. Богиня колдовства Геката, наполовину женщина, наполовину дух ночи, могла очень рассердиться, если хотя бы один слог в заклинании будет сказан неверно. Даже беспечная Агариста была напугана, и голос ее задрожал в тот момент, когда надо было призвать духа ночи. Издалека, с поросших лесом холмов, которые высились над долиной, донесся лай собак. Девочки знали, что собаки всегда сопровождают богиню ночи, повелительницу ночных духов и снов.

— И это все, — прошептала Ала, — я ничего не вижу.

— Нет, еще не все. У меня ничего не вышло. Надо начать снова, — прошептала Агариста в ответ.

Девочка закрыла глаза и старалась думать только о словах, которые не были такими ужасными, как тот дух, к которому она взывала. Правда, иногда они были совершенно непонятными, как и древние молитвы, которые они произносили в храме. На этот раз Агаристе удалось произнести заклинание до конца, ни разу не запнувшись и в полной тишине. Только ветерок шуршал листьями кустов на берегу. Прижав Усатика к груди, Агариста выдохнула последнюю фразу.

— Теперь смотри, — сказала она подруге и, открыв глаза, склонилась над водой.

Сначала она не видела ничего, кроме струящегося потока. Таинственный ночной ветер, который заставлял девочку дрожать, покрывал поверхность легкой рябью. Со дна реки поднималась тина, и что-то поблескивало в глубине. Прошло мгновение, и она увидела в сером свете свое собственное белое платье, а рядом платье Алы, а вот отражение веток боярышника... конечно, это только ветки и больше ничего... а может, это только маленькие водовороты... Она наклонилась ближе к воде... Ну конечно...

Но тут ветер донес до них веселую мелодию, которую насвистывал пастух, выводивший стадо на пастбище.

— Быстрее, быстрее, он нас увидит!

В панике девочки перебежали по камням через речку. Они остановились только около храма, на-

сквозь промокшие и с трудом переводящие дыхание.

— А я видела что-то, — сказала Агариста, немного придя в себя, — я и правда видела, только не очень ясно. Если бы этот пастух не пришел... а ты, ты видела что-нибудь?

То, о чем Алеция не хотела даже думать, выходило на поверхность.

— Я-я в-виде-дела то, что и ожидала увидеть, — ответила девочка, стуча зубами, — я видела себя и С-солона. Понимаешь, з-з-значит, я никогда не выйду замуж...

Агариста в ужасе уставилась на подругу, слова замерли у нее на губах.

— Т-т-ты помнишь, как Теодора уезжала домой, — продолжала Ала еле слышно, — у нее была птичка, как у меня. И она отдала ее Артемиде, и верховная жрица...

Ала запнулась.

— Ты отдашь своего Усатика, ты позволишь, чтобы его убили на алтаре?

Агариста еще крепче прижала к себе кролика и поцеловала его пушистый мех.

— Я должна это сделать, ты же знаешь. Усатик — это я, он мой, он — как будто мое девичество, и я отдаю его богине. Когда богиня забрала Ифигению с алтаря, там появилась лань. Что-то всегда должно остаться на алтаре. Ты же знаешь, что это так.

Агариста спрятала лицо в пушистом мехе Усатика и глубоко вдохнула его запах.

— Мы принадлежим Артемиде, — голос Агаристы окреп, — и что-то, какая-то часть нас са-

мих должна остаться здесь навсегда. Это часть Тайны.

— Я знаю, — ответила Алеция. Она сильно побледнела, хотя казалась спокойной и решительной. — Но я не буду думать об этом сейчас, не буду думать об этом, пока не станцую танец медведей. Может быть, тогда что-то переменится. Но сейчас я чувствую, что не могу отдать Солона, значит, мне придется остаться с Артемидой. Я не вернусь домой...

ТАЙНА

Каждое утро Алеция с тревогой вглядывалась в свое отражение в полированном медном зеркале, которое подарила ей мать. Еще бы, ведь Агариста сказала, что если она будет жить в храме, то станет постепенно такой же, как взрослые жрицы, а они не отличались особой красотой. Среди них была одна с торчащими вперед зубами и туповатым выражением лица, а у той, которая учила девочек танцевать танец медведей, на верхней губе была безобразная родинка и росли черные усики. У третьей лицо было покрыто оспинами, а четвертая косила. А у верховной жрицы лицо было покрыто нездоровой желтизной, нос ужасно длинный, а натянутая улыбка делала ее похожей на пугающее изваяние богини.

— Не может быть, чтобы я стала похожа на них! — протестовала Ала.

— А вот посмотришь, — угрожающе отвечала Агариста.

Алеция замечала, что ее лицо изменяется. Оно становилось более вытянутым, чуть-чуть обозначи-

лись скулы, изменилась форма носа и подбородка, который стал более острым. Девочка пыталась сделать вид, что ее это не беспокоит, но она так часто смотрелась в зеркало, что подружки начали ее дразнить.

— Алеция влюбилась, Алеция влюбилась, — запела Мелинно.

— Отстань от нее сейчас же, а то получишь! — Глаза Агаристы метали молнии.

— Только тронь мою Мелинно, только троны! — закричала Миро.

В последнее время девочки стали такими раздражительными, что ссоры вспыхивали ежеминутно, а иногда дело доходило до драки. Но на этот раз всех отвлекла Филодамия, которая принесла интересную новость. В храм приехала знатная дама. В это время года такой визит был большой редкостью. Стояла ранняя весна, дороги развезло, проехать в повозке было трудно, а до Афин около дня пути. Девочки тут же забыли про обиды и побежали смотреть на неожиданную гостью.

Прибывшая дама оказалась уже немолодой и не производила впечатления попавшей в беду женщины, которой требовалась срочная помощь богини. Она была невысокого роста, с ладной плотной фигурой и славной улыбкой. Если бы не богатый наряд и золотые булавки в волосах, ее, пожалуй, можно было бы принять за чью-нибудь няню. Дама беседовала со жрицей с торчащими вперед зубами, а та позвала Алецию и Агаристу, чтобы они помогли возложить на алтарь богини дары, которые слуги вынимали из повозки.

Дама поздоровалась с девочками.

— Так кто же из вас Агариста? Ну конечно, это ты. Как ты похожа на свою красавицу мать! А ты, конечно, Алеция. Мой сын Николаос много о тебе рассказывал. Я знаю, как ты была добра к своей няне, знаю, что ты оставалась с ней, пока она не поправилась.

Дама дружески похлопала Алу по спине, не обращая ни малейшего внимания на то, что та покраснела как маков цвет.

— Девочки, меня зовут Артемиодора. Когда я была такой же молоденькой и худенькой, как вы, я жила там же, где и вы сейчас, спала в одной из ваших маленьких постелей и танцевала танец медведей. А когда мой отец забирал меня отсюда, он подарил мою статую. Она и сейчас где-нибудь стоит. Боюсь только, что теперь вы меня в ней не узнаете.

— А я узнала! — воскликнула Ала. — Вы — девочка с кроликом, которая стоит при входе на колоннаду! Там есть надпись: «Дар Артемиодоры, дочери Филемона».

— Ты умеешь читать, — задумчиво сказала Артемиодора, — такое не часто бывает. Но пожалуй, это даже хорошо. Мы, женщины, обычно особым умом не отличаемся. — Она снова улыбнулась девочкам. — Когда кончится жертвоприношение, вы покажете мне мою статую. Я ведь ее никогда не видела, меня увезли до того, как ее установили. А потом, может быть, посмотрим вашу комнату, ваши маленькие кроватки и старый двор. Затем вы отведете меня в святилище и я поклонюсь изваянию богини.

Артемидора вместе со жрицей направилась в храм, а девочки последовали за ними.

— Что это за Николаос? И откуда он о тебе знает? — шепотом спросила Агариста.

— Это когда наша повозка разбилась, — прошептала Ала в ответ, — он помогал нам, когда Юнис расшиблась.

Все это выглядело так романтично. С Агаристой никогда ничего подобного не приключалось.

— А мне даже словом не обмолвилась, — сердито проворчала Агариста, — интересно почему?

Ала и сама толком не понимала, почему она ничего не сказала подруге.

— Я просто забыла, — ответила она.

Статуя пришлась Артемидоре по вкусу.

— Конечно, она не очень на меня похожа, но ведь особого сходства никто и не добивался, — заметила она. — Мой рот, пожалуй, был слишком широк, чтобы понравиться богине.

Потом Артемидора захотела посмотреть кровати девочек. Оказалось, что она спала в той, которая теперь принадлежала Мелинно.

— Боюсь, теперь мне в ней не поместиться, — сказала дама, присаживаясь на самый краешек. — Принесите-ка мне воды, девочки. Здесь гораздо приятней, чем во дворе. Там слишком жарко.

Девочки принесли Артемидоре воды, а та угостила их миндальными печеньями.

— Я думаю, мои сладости получше, чем те, что вам приносят деревенские женщины в обмен на амулеты. — Артемидора лукаво улыбнулась девочкам.

Обмен амулетов на сладости происходил втайне от взрослых жриц храма, так было много лет тому назад, когда здесь жила Артемиодора, так было и сейчас. Теперь они разговаривали как три подружки. Артемиодора рассказала, как она танцевала соло в танце медведей, партию испуганного и убегающего духа. Оказалось, что Алеция сейчас разучивала партию духа радости, который появляется в самом конце преставления, и ей было очень трудно.

— Я знаю, эта партия духа радости очень трудная, — ответила Артемиодора, внимательно глядя на Алецию, — особенно в конце, там самые трудные па. Финал тоже очень трудный.

Ала только молча кивнула в ответ.

Агариста исполняла партию веселого медведя в той сцене, где маленькие медведи из лесов впервые начинают ощущать силу богини. Девочка встала и станцевала свою партию, чем развеселила Артемиодору, которая со смехом давала советы маленькой танцовщице. Им было так хорошо вместе, что время пролетело незаметно. Артемиодора выглянула во двор.

— Посмотрите, какие стали длинные тени, пока мы с вами болтали, — огорченно сказала она. — Жрица, пожалуй, рассердится на меня за то, что я отвлекаю вас от ваших обязанностей. Знаешь, Агариста, сходи, пожалуйста, к жрице и скажи ей, что Ала отведет меня в святилище к богине.

В храме было тихо и прохладно. Изваяние богини, как и всегда, взирало на пришедших красны-

ми глазами. Алеция вся съежилась под его взглядом.

— Ты никогда не смотришь на изваяние? — тихо, как и подобало в обители богини, спросила Артемидора. — Пойдем со мной, я хочу тебе кое-что показать.

Они отошли в дальний угол храма. Отсюда был виден высокий лоб изваяния, длинный нос и резко очерченная линия щеки, огибающая уголок маленького рта и спускающаяся к острому подбород-

ку. Казалось, богиня погрузилась в печальные думы, склонив голову на сложенные на груди руки, слишком маленькие, чтобы помочь всем, кто нуждается в ее помощи.

— Она выслушивает слишком много горестных рассказов, — сказала Артемиодора, — но, ты видишь, она сочувствует нам.

Алеция ничего не ответила, только на мгновение остановила взгляд на изваянии. Потом она повернулась к Артемиодоре и прижалась к ней так крепко, как прижималась к матери, когда у них в доме случалась какая-нибудь беда.

— Ну-ну, успокойся. — Артемиодора погладила девочку по спине. — Я сразу поняла, что тебя тревожит, сразу, как только увидела. Я хорошо помню это время... Но не думай об этом сейчас. Твоя мама ведь не танцевала танец медведей, правда? Она была служанкой Афины. Если бы она знала нашу Тайну, то, наверное, научила бы тебя быть немного менее серьезной и более беззаботной. Николаос говорил мне, что ты слишком добрая.

— Я не добрая, нет, совсем не добрая. — Алеция горестно всхлипнула на плече у Артемиодоры. — Иногда я просто ненавижу свою птицу!

— Тогда почему бы тебе просто не избавиться от нее?

Алеция в ответ только отрицательно покачала головой. Она не могла ничего объяснить, слишком много тайн вокруг, и это приводило девочку в смятение.

— Знаешь, я — простая женщина и знаю не слишком много, — со вздохом сказала Артемио-

дора, — и моя Тайна не похожа на твою. У каждого своя Тайна. У меня нет дочерей, но тебе я могу рассказать все, что знаю. Сначала мы все, девочки, играем в куклы. Потом вдруг, иногда и года не проходит, мы уже оказываемся замужними женщинами. И только тогда узнаем, как тесно в жизни переплетаются печали, боль и радость. Ты слышала много раз, как женщины поверяют богине свои невзгоды. Как можно было бы вынести столько горя, сколько выпадает на долю многих из нас, если бы в нашей душе не жила Тайна, которая дает нам силу переносить невзгоды. В этом смысл Тайны. Разница в том, что у одних ее груз легче, у других тяжелее.

— Значит, у Агаристы тоже есть своя Тайна?

— Конечно, есть. Несмотря на то что она любит посмеяться. Но вряд ли Агариста захочет говорить о ней. Так что не настаивай.

Алеция почувствовала, что тревоги отступили. После отъезда Артемиодоры она несколько дней весело обсуждала с Агаристой свои приключения по дороге в храм и встречу с Николаосом.

— Знаешь, я задержалась там только из-за Юнис. Она так страдала. Ни о чем другом я и не думала. Правда, в деревне совсем не такие строгие порядки, как у нас в Афинах. А жена арендатора такая славная. Николаос заходил на женскую половину запросто, как будто он — ее сын.

Слушая подругу, Агариста больше не хихикала. Девочка чувствовала себя уже слишком взрослой для этого, она только поглядывала на Алецию широко раскрытыми удивленными глазами и частень-

ко подшучивала над ее знакомством с Николаосом. Дружба девочек в эти дни окрепла как никогда раньше, но о Тайне они никогда больше не заговаривали. Теперь Алеция полюбила приходить в храм, когда ей становилось грустно, она верила — богиня знает, что у нее на сердце. Может быть, Артемиды даст ей знак во время танца, когда богиня разговаривает со своими служанками. Но если этого не случится, то можно будет воспользоваться советом Артемиодоры.

— Когда я была еще маленькой девочкой, — сказала она Алеции перед отъездом, — делалось многое, о чем не принято рассказывать, но вреда от этого не было. По-моему, нет... Если тебе покажется, что груз твоей Тайны слишком тяжел для тебя, подай мне знак. Например, ты можешь послать мне пару тех красивых бусин, которые мне показывала. Любая женщина из деревни передаст их мне, нашу семью хорошо знают в здешних краях. А через три дня перейди речку по камням и дождись рассвета под большим кустом боярышника. — Артемиодора таинственно улыбнулась. — Знаешь, все считают, что я ни разу не видела своего мужа до свадьбы, но это не совсем так!

Ала изумленно уставилась на собеседницу.

— Только не расспрашивай меня об этом, милая, — продолжала она, — просто ничего не бойся, когда будешь сидеть под боярышником. Это место знакомо многим парочкам, ведь оно совсем рядом с храмом...

На этой туманной фразе Артемиодоре пришлось попрощаться с девочкой, так как повозка была

уже готова и надо было отправляться в обратный путь.

Теперь по утрам и вечерам, открывая свой сундук, Алеция с надеждой перебирала лежащие там бусины. Прошло долгих пять дней, прежде чем послание Артемиодоры достигло Афин, было прочитано, и, наконец, Ала получила посылку из дома. Филис посылала ленты, Юнис — целебный напиток, Калина — ценный амулет, завернутый в кусочек золотой ткани, и набор красивых золотых заколок, которыми украшали рукава костюма для танца медведей. Было там и письмо.

«Никандр приходил к Конону с визитом, — сообщали из дома. — Клейтос вступил в кавалерию. Юнис говорит, что весеннее лекарство полезно для крови. Филис учится вышивать. Калина желает, чтобы тебе посчастливилось больше, чем ей. Помни, когда ты вырастешь, это не только радость, но и боль. Прощай».

— Никандр просил твоей руки для Николаоса! — воскликнула Агариста, услышав, о чем пишут Алеции, и со вздохом добавила: — Как бы мне хотелось, чтобы кое-кто попросил моей руки у моего отца!

— Что за чепуха, — возмутилась Ала, — я тебе не верю.

Но в глубине души девочка не сомневалась, что так оно и было. И от этого известия ей стало удивительно спокойно. Эта новость подействовала на нее лучше, чем все увещания Атенаис.

«Значит, ее будущее уже определено, и Тайна раскроется сама. Может быть, Артемида избавит ее

от птицы, пока они будут на празднествах в Афинах, может быть...» — размышляла Алеция.

Несколько дней спустя Ала разбудила всех девочек в комнате — во сне она звала Николаоса.

— Тихо, вы, — зашептала Агариста, — это она зовет брата! Не будите ее!

— Ее брата зовут Клейтос, — ехидно заметила Мелинно.

— У нее был еще один брат. Он погиб, — отчаянно солгала Агариста.

В спальне воцарилась мертвая тишина. Считалось, что если кого-то во сне навестил умерший —

значит, он зовет его к себе. Даже услышать имя этого человека уже считалось дурным предзнаменованием. Девочки в страхе закрыли уши руками, а утром никто и словом не обмолвился Алеции о том, что произошло. Но когда она репетировала свою партию, они не сводили с нее глаз. А в сердце девочки росла надежда, она легко парила в танце, и жрица похвалила ее, сказав, что никогда не сомневалась, что у нее все получится.

ТАНЕЦ НА ХОЛМАХ

Верховная жрица выехала из храма за несколько дней до празднества. На ней были священные одежды Ифигении, а путешествовала она в паланкине, который мужчины несли на шестах. Вдоль дороги, по которой следовал ее кортеж, выстраивались все жители окрестных селений. Маленькие девочки в кожаных масках изображали медвежат, они бегали по улицам, взявшись за руки, и окружали зазевавшихся прохожих, которым приходилось откупаться засахаренными фруктами или колотыми орешками размером не больше ногтя на большом пальце, которые готовили специально для этого случая. Чаще всего в плен попадали дедушки, и они щедро одаривали медвежат пригоршнями сладостей, которые можно было сосать или жевать, как теперь жуют жвачку. Вечно занятые хозяйственными делами матери с улыбкой наблюдали за происходящим и держали наготове корзиночки со сладостями, чтобы их мужья смогли откупиться, когда их поймают.

Ночью на рыночной площади устраивались танцы, в них не было ничего таинственного, специально по-

священного культу богини. Такие представления видел каждый. Если в селении находился достаточно щедрый и состоятельный житель, то на площади выставляли сосуд с вином, которое смешивали с водой и предлагали всем танцующим. Не было также и жертвоприношений. Правда, земляные алтари богини поливали вином и оливковым маслом и зажигали на них сосновые поленья. И днем и ночью паланкин был увит свежими цветами, которые получала каждая новая смена носильщиков во время остановки.

Наступила последняя ночь пути. Кorteж остановился невдалеке от афинских ворот. Наутро старейшины города в сопровождении одетых во все белое мальчиков должны были выйти навстречу верховной жрице. Матери этих мальчиков умерли при родах, и дети находились под специальным покровительством Артемиды. Маленькие жрицы ехали перед паланкином в повозках, запряженных белыми волами, а когда начался подъем на Акрополь, они спешили и торжественно шествовали с ветвями лавра в руках перед паланкином верховной жрицы. Следом за паланкином шли мальчики, поющие гимны, и мужчины, которые вели овец и коз для жертвоприношений. А когда солнце достигло зенита и стало клониться к западу, алтарь богини был обогрен вином и кровью животных. Тяжелый, густой дым поднимался к небесам. Мясо разделявали и жарили, оно предназначалось для горожан, пришедших на праздник в честь богини. Но маленькие жрицы не участвовали во всех этих церемониях. Ведь это были обряды древней Таврии, и совершали их в честь Ифигении.

Когда солнце опустилось за грядой холмов на западе, танцовщицы собрались за шатром верховной жрицы на маленькой площадке, окруженной лавровыми деревьями. Они чисто вымылись после дороги, натерлись специальными красящими маслами и надушились. На них были новые, специально приготовленные для этого торжественного случая, желтые платья. Медвежьи маски им пришлось надеть заранее, поскольку они завязывались под платьем, и снять их можно было только после представления. Агариста исполняла роль маленького веселого медвежонка, который принимал участие в смешной сценке, а Алеции досталась роль высокого черного медведя, исполнявшего соло в самом финале представления. Девочки слышали, как жрица начала читать молитву, а когда она закончила, заиграли пронзительные флейты, вызывая луну.

Теперь все это было настолько привычно, что девочки могли танцевать не думая. Но величие места, где они собрались, площадка, освещенная факелами, и напряженное внимание зрителей, мужчин и девочек, придавало всему действу совершенно новую окраску. Каждый раз, когда танцовщицы делали очередное па, перед их глазами вставал или храм Афины, казавшийся серебряным в холодном свете луны, или они ловили взгляд какой-нибудь девочки, сидящей на отцовских плечах, вцепившись ему в волосы.

Эти картинки то вставали перед их взором, то исчезали, а ноги тем временем автоматически отбивали танец на песке. Сейчас они совсем не думали о богине, но их тела уже не принадлежали каждой

в отдельности, а все вместе они пели хвалу жизни прекрасной и безобразной, непонятной и дикой, и такой древней. Богиня наблюдала за танцем с небес, а верховная жрица — из своего шатра.

С каждой минутой танцевать становилось все труднее, пот застилал глаза, от жаркого дыхания медвежьей маски внутри запотели. Но дух должен был парить в танце так же легко, как побегι стремятся к солнцу, и так же радостно, как щебечут птицы ранней весной, забывая о холоде. Ала почувствовала, как у нее закололо в боку, дыхание становилось тяжелым и прерывистым, но она танцевала для своей богини с легкостью зеленых листьев на ветру.

Как и всегда, танец медленно затихал. Мужчины запели гимн в честь богини: «О Артемида, богиня матерей, дочь Лето, танцуй же на наших холмах...» К ним присоединились тонкие девичьи голоса: «Защитница юных дев... поселись навечно в белом храме на морском берегу... благослови нашу землю».

Танец окончился, и девочки разговаривали со своей богиней о Тайне, принадлежащей всему человечеству, а не каждой из них в отдельности.

В тот момент они еще не осознавали этого. Они слишком устали. Давал себя знать поздний час, да и место было незнакомым. На следующий день жертвоприношения в честь верховной жрицы продолжились, и в обратный путь она должна была неспешно отправиться только через день. А маленькие танцовщицы уже выполнили свои обязанности и могли провести целый день дома.

Дворик на женской половине дома показался Алеции еще более милым, но маленьким и пыльным. Она заметила, что у Атенаис появилось несколько седых волос, а Юнис стала сильно прихрамывать.

— Ну вот, еще одно дело сделано, — сказал Конон, целуя дочь. — Я расставался с маленькой девочкой, а встречаю очаровательную девушку... Но какая же ты худенькая, дочка.

Ала покраснела и рассмеялась. Она опасалась, что отец заговорит с ней о Николаосе.

На женской половине появилась новая девочка-служанка, румяная пришелица с севера, из далекого варварского племени, с трудом говорившая по-гречески. Свою хозяйку Атенаис она просто обожала.

— Филис сейчас почти все время помогает Юнис, — объяснила Атенаис, с ласковой улыбкой глядя на дочь, — и я подумала, что мне надо взять еще одну девочку и обучить ее. Пройдет совсем немного времени, и хорошие служанки понадобятся уже для тебя.

Больше Атенаис ничего сказать не смогла, потому что, хотя они с дочкой по-прежнему сидели, тесно прижавшись друг к другу, к ним подошла Юнис, а новая служанка сновала взад и вперед, то спрашивая о чем-то хозяйку, то показывая ей свою работу.

Это был счастливый и спокойный день, хотя здесь, в родительском доме, не было ответа на вопрос, который мучил Алецию, даже если богиня уже готова была на него ответить. Правда, Атенаис улучила момент, когда Юнис позвали на кухню, и шепнула дочке:

— Папа хочет скоро забрать тебя домой. Ты уже почти взрослая, и пора подумать о твоём будущем.

Ала похолодела, ей стало страшно.

— Но я еще не выполнила всех своих обязанностей, — ответила она, — да ведь и год еще не прошел.

Атенаис крепко прижала к себе девочку.

— Ничего не поделаешь, Алеция, так уж должно случиться, — начала она, но закончить не успела.

К ним вышла Калина со своей прялкой и табуреткой и уселась рядом.

Когда наконец девочки собрались вместе у верховной жрицы, чтобы тронуться в обратный путь, Агариста просто сияла от радости и возбуждения.

— Филакрос приходил к нам. Он хочет, чтобы его сын на мне женился! Только подумай, сам Филакрос! Победитель Дельфийских игр! В прошлом году его колесница пришла первой! Мама сказала, что его сын такой красивый.

— Откуда же она знает?

— Очень просто! — Глаза Агаристы засверкали озорным блеском. — Папа пригласил одного известного художника, и он расписал стены в нашей парадной комнате. Он изобразил подвиги Геракла. Ну а мама попросила слугу просверлить ма-а-аленькую дырочку в зрачке Геракла, и теперь она может залезть на табуретку и посмотреть на гостей.

Алеция рассмеялась. Она уже давно перестала удивляться рассказам подруги.

— А что бы сказал твой отец, если бы догадался? — спросила она.

— Уверена, что он бы просто посмеялся. Он всегда подшучивает над тем, что делает мама.

Агариста подумала, что ей придется вскоре вернуться домой. Мама ей сказала, что Филакрос спе-

шит со свадьбой, а кроме того, девочке уже исполнилось четырнадцать.

— Я постараюсь остаться с тобой подольше, — пообещала она, задумчиво поглядев на подругу, и Алеция крепко сжала ее руку.

Когда девочки вернулись в храм, Солон радостно встретил свою хозяйку. Он взлетел и угнезвился у нее на плече. Алеция нежно поглаживала его перышки, но мысли ее были совсем невеселыми. Она так надеялась, что богиня сама заберет птичку, пока они были в отъезде. Солон расправил свой красивый хвост и как всегда радостно ворковал. Бесстрастное изваяние богини со скрещенными на груди руками, как и прежде, охраняло храм. Все шло своим чередом.

Прошел месяц, и Агариста получила из дома записку, в которой сообщалось, что на днях за ней приедет отец и заберет ее домой. Девочка побелела как полотно и убежала. Ала разыскала ее около клетки для кроликов, где жил Усатик. Агариста кормила его и плакала.

— Он кролик, только и всего, — с вызовом сказала она подруге.

— Я знаю, — согласилась Ала. — Не думай об этом.

— Теперь мы не сможем видаться. — Агариста смахнула слезы тыльной стороной ладони. — Может быть, только в театре, раз в году, или на празднике Афины. Если ты будешь мне писать письма, я кого-нибудь попрошу их читать. Но в письмах всего не расскажешь.

— Ты права.

— Мой отец привезет в храм мою статую, это его дар. Твой, наверное, тоже привезет твою. Хорошо бы их поставили рядом.

— Это было бы замечательно.

— Знаешь, я думаю, мне удастся обвести моего супруга вокруг пальца. Я уговорю его, и он разрешит мне делать визиты. Я знаю, некоторые дамы ездят в гости.

— Я в тебе не сомневаюсь, — улыбнулась Алеция.

Агариста снова повернулась к своему кролику. Алеция понимала, что наступил такой момент, когда любимый зверек больше говорит сердцу, чем любой, даже самый близкий человек. Алеция взяла Солона в руки и вышла на лужайку. Она подбросила голубя вверх, он взлетел, но, сделав круг над ее головой, снова опустился на плечо хозяйки. Ала сломала ветку и попробовала отогнать птицу.

— Лети, Солон, лети, — крикнула она, — ты свободен! Я ведь специально не подрезала тебе крылья. Ты сможешь улететь далеко!

Голубь опустился на ветку дерева и наблюдал оттуда за своей хозяйкой.

— Улетай, улетай же! — Алеция подняла с земли камешек и бросила в птицу. — Улетай!

Тут в небе над рекой появился ястреб и начал лениво кружить над деревьями. Потом что-то на другом краю рощи привлекло его внимание, и он устремился туда в поисках новой жертвы, а Солон поспешил укрыться на плече у хозяйки. Теперь Алеция уже не решалась прогонять своего любимца на волю.

Алеция медленно возвращалась в храм. На сердце у нее было тяжело. Даже Агариста считала, что будущее Алеции уже предрешено. Значит, через месяц или через два ей придется принести Солона в жертву богине и уехать домой. Она вовсе не хотела отказаться от обычной жизни и навсегда остаться в храме. Ведь когда уедет Агариста, тут станет так скучно и холодно, а бесстрастное изваяние богини ничем не могло ей помочь. Скоро придет записка от ее отца, и что тогда делать? Конон никогда не был тираном, но не послушаться отца было невозможно. При одной мысли о том, что отец может рассердиться, Ала чувствовала, что заболевает, хотя она прекрасно знала, что отец не будет забирать ее из храма против ее воли. Ведь это сам Конон сказал: «...птица пробудет с тобой столько, сколько пожелаешь».

Ала ощущала себя одинокой и всеми покинутой. Агариста вот-вот уедет. Богиня хранит молчание. Даже любящая мама, Атенаис, служанка Афины, не понимает ее. Осталась одна Артемиодора, только она сможет помочь. Алеция открыла свой сундучок и достала бусины, раскрашенные Калиной. Девочка хорошо помнила слова Артемиодоры о том, что в жизни часто происходят вещи, о которых никто не говорит. Ей было совестно посылать просьбу о помощи, но другого выхода она не видела.

Артемиодора говорила, что любая женщина из деревни согласится отнести ей раскрашенную бусину, и Алеция отправилась на поиски какой-нибудь женщины с добрым лицом, которая смогла бы ей посочувствовать и доставить ее призыв о помощи.

ПТИЦА В РУКЕ

День уже начал клониться к вечеру, когда Алевция перешла через реку, чтобы под большим кустом боярышника встретить Николаоса. Она смущенно подошла к юноше, все еще немного стыдясь того, что вызвала его. А он посмотрел на нее с доброй улыбкой.

— Это я попросил маму повидаться с тобой, мне хотелось знать, понравилась ли ты ей. А теперь она послала меня к тебе... Какая у тебя красивая птица.

Он протянул руку, чтобы погладить Солона, а голубь не испугался, сделал несколько шажков и уселся на плече Николаоса. Юноша начал гладить его указательным пальцем, чтобы дать девочке время привыкнуть к нему. Он приручал ее как птичку.

— Что же делать с твоим Солоном? Может быть, отпустим его на волю? — тихо спросил Николаос.

— Я уже пробовала, но он вернулся обратно. А потом прилетел ястреб.

— Не думаю, что он долго проживет на воле. Слишком уж он ручной.

— Это я виновата! Я его приручила!

— Но это твоя птица.

Ала с отчаянием покачала головой:

— Я не должна была так поступать. Ведь он мне доверяет, он мне поет и берет зернышки у меня из рук, а я с самого начала знала, для чего он предназначен! Он не выбирал такой судьбы! Он любит жизнь, так же как и я!

Николаос взял девочку за руку и усадил ее на старый пенек на берегу.

— Садись-ка сюда и посмотри на реку, а я сяду у твоих ног. Посмотри, как медленно она течет в это время года, а ведь она все равно доберется до моря. Поверь мне, никто не выбирает своей судьбы. Мы не по своему желанию появляемся на свет и не по своему желанию умираем. И у твоей птицы — своя судьба. Пока она жила с тобой, она была счастлива, и это часть ее судьбы. Говорят, на судьбу нельзя жаловаться. И еще говорят, что те, кого боги любят больше остальных, умирают молодыми.

Алеция размышляла над тем, что сказал Николаос, и смотрела на гладь струящейся мимо них реки. В зарослях позади них громко чирикали воробьи, провожая солнце.

— Но ведь когда всемогущие боги хотят забрать ребенка к себе, — попыталась объяснить Алеция, — не они приносят ему смерть, в назначенный час они призывают к нему бога смерти из подземного царства. Я заменяла Солону всемогущих богов. А теперь ты хочешь, чтобы я стала для него богиней смерти. Я не могу этого сделать.

— Но это — часть твоей судьбы, Алеция.

— Я знаю, но все равно не могу!

— Давай я расскажу тебе то, что говорил о смерти один мудрый человек. «Жизнь и смерть, — учил он, — противостоят друг другу и никогда не должны соприкасаться. Жизнь есть в каждом человеке, в каждой птице, в каждом животном, и если это настоящая жизнь, то как же смерть может с ней так легко справиться? Почему жизнь гаснет, как свеча на ветру? Да потому, что умирают только наши тела. Но жизнь не умирает, она переходит в другое тело. И каждое мгновение одни живые существа появляются на свет, а другие умирают».

— Ты хочешь сказать, что мой Солон станет другой птицей?

— Или животным, или человеком. Кто знает! Только знай, что его счастливая душа будет жить дальше. Это как дождь: зимой он обрушивается с небес на землю, летом земля высыхает, и снова приходит зима, и снова — дожди.

— И ты в это веришь? — Алеция тревожно посмотрела Николаосу прямо в глаза.

— Да, я верю в это. Но ты должна знать, что не все в это верят. Многие, тоже мудрые люди, думают по-другому.

Алеция глубоко вздохнула. Кажется, она почувствовала облегчение.

— А твоя мама в это верит? — спросила она.

— Надеюсь, что верит, — мягко ответил Николаос. — Ведь двое моих старших братьев погибли три года назад в битве на море.

— О, — воскликнула Алеция, позабыв о своих печалях, — а ведь она выглядит такой счастливой!

— Она не любит огорчать окружающих своими бедами. Только вот они с отцом настаивают, чтобы я поскорее женился. Ведь я последний в роду.

Алеция ничего не ответила, и они долго сидели в молчании. Звезды в вышине начали бледнеть, и на востоке разгоралась заря. С противоположного берега раздался предостерегающий свист Агаристы. Ала вскочила на ноги.

— Я тоже не буду огорчать тебя своими бедами. Я только хочу, чтобы ты знал. Я сделаю все, что должна сделать. Я раскрыла свою Тайну. Мне пора идти, дай мне Солона.

— Теперь я увижу тебя, только когда буду забирать в свой дом, — сказал Николаос.

Он осторожно положил птичку на ладонь Алеции, и девочка нежно сжала ее пальцами, чтобы не причинить вреда этому красивому созданию раньше времени. Агариста снова засвистела, на этот раз еще громче, и Ала побежала вниз по берегу.

Николаос стоял и смотрел, как Алеция, освещенная холодным светом раннего утра, бежала по камням через поток. Она двигалась грациозно, как танцовщица, а птица тихо сидела у нее в руке.

ПОСЛЕСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

Прошло более тридцати лет с тех пор, как была написана эта книжка. Уже давно закончились раскопки в Бравроне. Неподалеку от храма Артемиды построен археологический музей. Это каменное одноэтажное здание врезается в склон холма, обращенного к морю. Окна музея смотрят на залив, тот самый, откуда корабли греков отплыли в Трою. В прохладных залах выставлены статуи девочек, которые более двух тысяч лет тому назад бегали неподалеку, собирали цветы для храма и мыли священные сосуды. Здесь и девочка с кроликом, и девочка с птичкой, ручку которой с таким интересом разглядывала писательница. Здесь и головки медвежат, какими их представляли греки и которые больше похожи на маленьких детей. Здесь и те сосуды для воды, вина и масла, которыми пользовались девочки в храме, и мебель из камня. Вы сможете увидеть зеркальце из бронзы, в которое смотрелась одна из девочек, живших в храме больше двух тысяч лет тому назад, и бусы, похожие на те, что носили Алеция и Агариста, и талис-

маны, которые девочки обменивали на сладости у деревенских жителей.

Неподалеку от храма, у подножия холма, по-прежнему течет ручеек. Много сотен лет тому назад он был быстрой речкой, через которую девочкам трудно было перебраться весной.

Алеция целый день добиралась из Афин до храма, а если вы попадете в Грецию и захотите погулять по тем местам, где бегала героиня нашей книжки, вам понадобится на дорогу всего один час. От подножия Акрополя, где, скорей всего, жила Алеция, до храма Артемиды можно добраться на метро и на автобусе, из окна которого вы увидите не только современные, утопающие в цветах белые загородные дома, но и оливковые рощи и виноградники, точно такие же, какие видела Алеция, выглядывая из окна своей повозки.

Вы сможете пройтись между мраморных колонн, где много раз за день проходили наши героини, и посидеть на теплом камне, на котором, может быть, сидели они, отдыхая от своих обязанностей.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	7
Особенный день	10
Легенда	22
Танец медведей	44
Путешествие	66
Храм	86
Тайна	112
Танец на холмах	124
Птица в руке	135
Послесловие переводчика	140

Оливия Кулидж
СЛУЖАНКА АРТЕМИДЫ

Ответственный редактор Ю.И. Шенгелая

Художественный редактор И.А. Озеров

Технический редактор Л.И. Витушкина

Корректор Д.В. Соловьев

**Изд. лиц. ЛР № 065372 от 22.08.97 г.
Подписано к печати с готовых диапозитивов 01.07.2002
Формат 60х84¹/₁₆. Вумага офсетная
Гарнитура «Школьная». Печать офсетная. Усл. печ. л. 8,37
Уч.-изд. л. 5,75. Тираж 7 000 экз. Заказ № 1645**

**ЗАО «Издательство «Центрполиграф»
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
E-MAIL: CNPOL@DOL.RU**

**ООО Издательство «Внешторгпресс»
103051, Москва, ул. Трубная, 24, корп. 3**

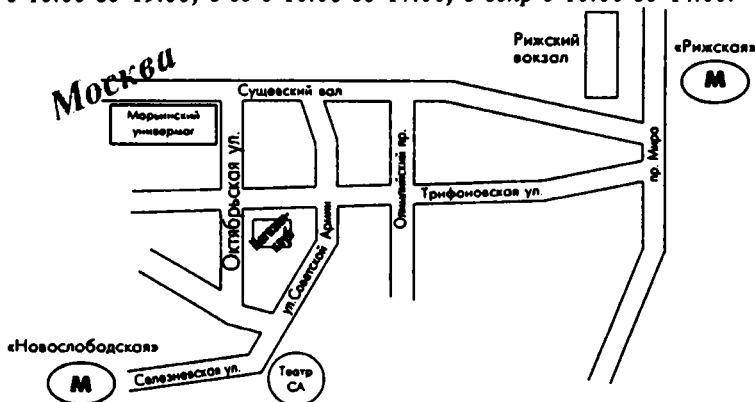
**Отпечатано с готовых диапозитивов
во ФГУП ИПК «Ульяновский Дом печати»
432060, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14**

**Действительно низкие цены! Регулярные распродажи!
Предварительные заказы и оповещение по телефону о
поступлении новинок!**

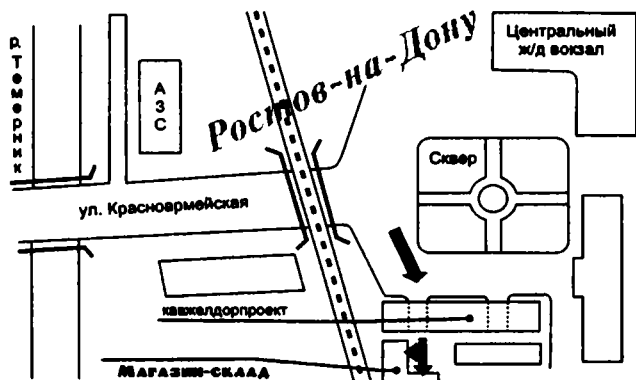
**Фирменные магазины издательства «Центрополиграф»
в Москве и Ростове-на-Дону**

предлагают более 1000 наименований книг различных жанров зарубежных и отечественных авторов: детектив, исторический, любовный, приключенческий роман, фантастика, фэнтези, научно-популярная, биографическая, документально-криминальная литература, издания для детей и юношества, филателистические каталоги, книги по кулинарии, кинологии, о звездах театра, кино, эстрады, а также энциклопедии, словари, решебники.

Звоните и приезжайте! Москва — ул. Октябрьская, д. 18, тел. для справок: 284-49-89, мелкооптовый отдел тел. 284-49-68; в пн—пт с 10.00 до 19.00, в сб с 10.00 до 17.00, в воскр с 10.00 до 14.00.

Ростов-на-Дону — Привокзальная пл., д. 1/2, тел. (8632) 38-38-02; в пн—пт с 9.00 до 18.00.

ОЛИВИЯ КУЛИДЖ

Служанка Артемиды

ПОПУЛЯРНАЯ
ИСТОРИЯ

Известная американская писательница Оливия Кулидж приглашает вас совершить увлекательное путешествие в мир древней истории.

Вы будто своими глазами увидите полные красоты и величия храмы богов, магические статуи и величественные пейзажи бессмертных Афин, где живет семья греческой девочки Алеции. Вы узнаете о ритуалах и обычаях Древней Греции, познакомитесь ближе с греческой мифологией и вместе с Алецией совершите путешествие в храм Артемиды, где юной гречанке предстоит прожить год, чтобы стать жрицей...

Книги Оливии Кулидж — это познавательные рассказы о традициях, быте и верованиях народов Древнего мира.

ISBN 5-227-01878-2

9 785227 018786

ЦЕНТРОЛИГРАФ®